

Григорий
Адамов

«ТЕРРА» — «ТЕРРА»

Григорий Адамов

Изгнание владыки

«Public Domain»

1938-1942

Адамов Г. Б.

Изгнание владыки / Г. Б. Адамов — «Public Domain», 1938-1942

«Изгнание владыки» – увлекательный научно-фантастический и приключенческий роман Г. Адамова, автора широко известных книг «Тайна двух океанов», «Победители недр» и др.... Советские люди, успешно осваивают Арктику, превращают ее в цветущий край, не знающий холода. На их пути встречается много трудностей: суровая природа, происки вражеских агентов, стремящихся во что бы то ни стало помешать росту могущества нашей страны, и т. д. Начинается острая борьба, полная необыкновенных приключений... С начала и до конца книга читается с неослабевающим интересом.

© Адамов Г. Б., 1938-1942

© Public Domain, 1938-1942

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Глава седьмая	42
Глава восьмая	45
Глава девятая	50
Глава десятая	53
Глава одиннадцатая	55
Глава двенадцатая	60
Глава тринадцатая	65
Глава четырнадцатая	68
Глава пятнадцатая	74
Глава шестнадцатая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Григорий Борисович Адамов

Изгнание владыки

*Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает Рок.
Ломоносов, 1752*

Часть I

Глава первая Перебежчик

Была полуденная тишина. Южное августовское солнце стояло высоко.

Свободные от нарядов бойцы спали в прохладных спальнях, другие занимались в тени деревьев с собаками, разбирали и чистили оружие, проходили теоретический курс стрельбы. Шла обычная, будничная жизнь заставы.

В кабинете начальника инспектор Министерства государственной безопасности майор Комаров ознакомился с работой заставы.

Самая значительная часть нарушений падает на перебежчиков из-за кордона.

Работа органов государственной безопасности здесь, на границе, очень сложна. О каждом перебежчике из-за границы надо навести справки, проверить его показания, жалкие документы, обрывки бумажек, с которыми люди часто перебираются через границу. Все это надо сделать в невероятно трудных условиях, когда источники справок и необходимых сведений находятся за границей, и сделать это надо в кратчайший срок.

Вот и сейчас на этой маленькой заставе оказалось семь человек, задержанных при переходе границы. Их отправляют сегодня в районный центр. Впрочем, один находится здесь уже почти двадцать дней.

– В чем дело, товарищ Никитин? – отрывая глаза от ведомости и подымая круглую бритую голову, спрашивает майор. – Почему Кардан так долго задерживается у вас?

– А это один из неудачников, товарищ майор, – ответил Никитин. – Его подстрелили, когда он собирался переплыть речку. Все-таки он нашел в себе силы, чтобы добраться почти до самого нашего берега, но метрах в трех от него начал тонуть. Подоспели наши бойцы. Степанов бросился в воду и вытащил его уже почти без памяти.

– Так... – проговорил Комаров. – Рана была серьезная?

– Нет, не очень. В бедро. Но крови потерял много. Бойцы перевязали его и сейчас же доставили сюда. Наш врач немедленно переправил его в совхозную больницу: надо было извлечь пулю.

– Какая пуля?

– Винтовки Сандерса.

– Как он себя чувствует сейчас?

– Оправился. Три дня назад его выписали из больницы. А первые дни был в тяжелом состоянии. Нервы, должно быть, не выдержали. То смеялся, то плакал, умолял не выдавать его.

– Сведения о нем передали районному управлению?

– Передал на другой день после задержания. Кардан бежал из концентрационного лагеря под Котолани. Районное управление довольно быстро проверило его показания, пока он был еще в больнице. В котоланской газете помещены объявление коменданта лагеря о бегстве Кардана, его портрет, приметы и обещание награды за его поимку. Приметы сходятся. Районное управление предложило мне направить Кардана в его распоряжение. По-русски Кардан не понимает, но хорошо знает французский язык.

– Так, так... – задумчиво сказал Комаров, потирая чисто выбритый подбородок. – Ну, давайте посмотрим задержанных.

– С кого желаете начать?

– Да по порядку... Кто у вас первый? – Комаров посмотрел в список. – Корнелиус? Ну, давайте Корнелиуса.

Старший лейтенант протянул руку к аппарату, стоявшему на столе, и нажал кнопку. Серебристый экран аппарата засветился, и тотчас же на нем появилась высокая комната с опущенными на окнах шторами. В углу стояла койка, возле нее стол и стул. На столе – раскрытая книга, графин с водой, стакан, письменный прибор. На койке спал человек, повернувшись лицом к стене.

– Ну, с Корнелиусом придется отложить знакомство, – заметил майор.

– Отсыпается, – усмехнулся старший лейтенант. – Первые два-три дня они всегда спят без просыпу. Следующий по списку, кажется, Ганецкий?

– Да, давайте Ганецкого.

В такой же комнате, как и предыдущая, Ганецкип – маленький истощенный человек с грустными глазами и длинными, печально опущенными усами – озабоченно рассматривал у окна свой разбитый сапог, стараясь подвязать бечевкой отвалившуюся подметку.

– Гм... Да... Задача нелегкая, – проговорил Комаров. – Вы бы ему, товарищ Никитин, выдали сапоги из специального фонда. Ну, давайте дальше.

В следующих комнатах кто читал, кто беспокойно ходил из угла в угол, кто писал.

Кардан, коренастый человек со смуглым, худым лицом, тонким горбатым косом и густыми черными усами, стоял спиной к окну и внимательно рассматривал в небольшое зеркальце какое-то пятнышко на подбородке, прилаживаясь и так и этак, вертя перед собой зеркальце в разные стороны. Потом вдруг улыбнулся, отложил зеркальце, опустил голову и начал медленно крутить ус, потом досадливо дернул его несколько раз книзу и прошелся по комнате. Остановился у стола под окном, задумчиво глядя вдаль. Постоял с минуту, повернулся и, ероша густые, нависающие над лбом волосы, возобновил медленное хождение по комнате. Под волосами на лбу мелькнул небольшой розовый шрам.

Майор Комаров молча и внимательно наблюдал.

– Шрам на лбу указан в приметах? – спросил он, не отрывая глаз от экрана.

– Указан, товарищ майор, – ответил начальник заставы.

– Об усах что-нибудь сказано?

– Да. «Черные и густые».

– Больше ничего?

– Больше ничего. Да ведь усы вообще не примета. Сегодня есть, а завтра сбрил.

– Конечно, но поскольку они имеются...

Кардан подошел к стулу, сел, откинулся на спинку, свободно и непринужденно закинул ногу на ногу и протянул руку к столу за раскрытой книгой. Опустив голову, начал читать. Небольшая смуглая рука мягким, почти неуловимым движением длинных пальцев перевернула страницу. Кардан читал. Комаров не сводил с него внимательных, спокойных глаз. Снова мягко перевернута страница... В кабинете продолжается молчание.

Начальник заставы с легким нетерпением посматривал то на майора, то на экран.

Не поворачивая головы, Комаров наконец тихо спросил:

- В показаниях профессия указана?
- Указана, товарищ майор. Электрик-монтажник.
- Сколько лет работает?
- Двадцать лет, с восемнадцатилетнего возраста.
- Где работал последние годы?
- Начальник заставы перелистал папку с бумагами.
- На заводе электрооборудования Фидера в Полтоне.
- Кем работал?
- Чернорабочим.
- Долго был чернорабочим?
- Два года восемь месяцев.
- Имеются подтверждения?
- Имеются.
- Какое образование получил?
- Низшая электротехническая школа в Таворе.
- Так...

Не поднимая головы, Кардан вынул из кармана куртки папиросу, закурил, затянулся и с гримасой отвращения бросил папиросу на плоскую пепельницу.

– Какие папиросы курит Кардан? – неожиданно спросил майор, резко подавшись к экрану.

Начальник заставы растерянно взглянул на Комарова.

- Право, не знаю...
- Узнайте, пожалуйста.
- Есть, товарищ майор.

Начальник заставы нажал кнопку на столе. Через минуту в кабинет вошел боец, заведующий хозяйством.

- Вы снабжаете нарушителя Кардана папиросами?
- Я, товарищ старший лейтенант.
- Какими?
- «Весна», товарищ старший лейтенант.
- «Весна»? – вмешался Комаров. – Это, кажется, третьесортные папиросы? Вы всех задержанных снабжаете ими?

– Они получают папиросы и табак по личному выбору и вкусу, товарищ майор. Кардан пожелал простых папирос. Сказал, что к другим не привык.

– Ах, вот как! Ну, тогда понятно. Кстати, вы, кажется, сказали, что он говорит по-французски. Что, он жил во Франции?

- Да, он показал, что несколько лет работал там.

Начальник заставы отпустил бойца.

Комаров медленно встал и выключил экран телевизора.

Майор был высок и широкоплеч. Мощная, словно литая шея, большая круглая, чисто выбритая голова. Бритое загорелое, несколько полное лицо с крупными чертами, крутой лоб, серые спокойные глаза под густыми, чуть рыжеватыми бровями. Плотные сжатые, красивого рисунка губы, тяжелый, почти квадратный, выбритый до лоска подбородок.

Заложив руки за спину, легким для своей плотной фигуры шагом Комаров прошелся по кабинету.

- Да... – проговорил он. – Интересный тип...

Старший лейтенант ничего не ответил, продолжая испытующе смотреть на Комарова. Он слишком хорошо знал этого известного в их профессиональных кругах «следопыта», чтобы не придавать значения даже простому его раздумью над чем-нибудь.

– А где мой лейтенант? – спросил майор. – Где Хинский?

– Еще не вернулся с объезда постов на линии. Рано утром уехал.

– Так... так...

Комаров подошел к столу, к телевизору, и вновь включил комнату Кардана.

– Все-таки курит... – заметил Комаров, внимательно глядя на экран и думая, по-видимому, о чем-то другом.

– Почему «все-таки», товарищ майор? – позволил себе спросить старший лейтенант.

Комаров поднял на него глаза.

– Почему «все-таки»? – медленно повторил он вопрос. – Он же не любит этих папирос. Они ему противны... Но если бы только папиросы... – раздумчиво, словно размышляя вслух, продолжал Комаров, играя карандашом. – Вы не заметили его манеры держаться, сидеть на стуле, перекладывать ногу на ногу? Свободные, легкие манеры... не угловатые манеры человека тяжелого физического труда. Два года восемь месяцев чернорабочим и три года тяжелых работ в концентрационном лагере! За это время любой профессиональный интеллигент огрубеет!

Брови старшего лейтенанта медленно поднимались.

– И это не все... – продолжал Комаров. – Как он читает? Вы обратили внимание? Книга не случайный, редкий гость в его руках. Он привык к ней, умеет обращаться с ней. Как бережно его пальцы перелистывают страницы! Привычно, легко, уверенно. Разве так читают люди с огрубевшими пальцами, с привыкшими к тяжелой работе руками?

В дверь постучались. Послышался молодой, звонкий голос:

– Можно?

– Да, да... входите! – оживленно сказал Комаров.

В кабинет быстро вошел молодой лейтенант, высокий, стройный, загорелый, с живыми черными глазами под густыми, почти сросшимися на переносице бровями. Он принес с собой веселое молодое оживление.

Со сдержанной лаской в глазах и улыбке Комаров взглянул на него и спросил:

– Ну, как посты, Лев Маркович? Как погранлиния?

– Могу доложить, товарищ майор: работают отлично. Внимательность и четкость работы бойцов прекрасные. Как ни старался сбить, ничего не вышло. Вот только, – обратился Хинский к начальнику заставы, – на отрезке «Семи дубов» линия инфракрасных сторожей,¹ кажется, у вас не совсем надежна. За маленьким бугорком мне удалось скрытно проползти. Правда, ваша собака... кажется, Рекс... услышала... Я все же указал старшине...

– Ну и отлично, – сказал Комаров. – Садитесь, Лев Маркович.

Хинский сел, снял фуражку и вытер загорелый лоб.

– Фу! Устал чертовски! Солнце палит невозможно... А на самом солнцепеке, на лужке, – со смехом обратился он к Комарову, – какой-то чудак-старичок уселся и бреется. Зеркало шатается на пеньке, никак не держится, он его и так и сяк поправляет, устанавливает, а оно все валится. Старик ругается, отплевывается, лицо все в мыле... Мы со старшиной минут пять стояли, наблюдали с дороги, помирали со смеху. Кто это, товарищ старший лейтенант?

– А! – рассмеялся Никитин. – Это дедушка, пастух соседнего совхоза. Между прочим, человек образованный, правда по-старинному. Знает французский язык и постоянно пользуется нашей библиотекой. Он здесь каждый день бреется, как только загонит скот от жары в

¹ См. примечание ниже.

лес. Большой чудака, строгий старик. Держит себя очень респектабельно и выражается всегда высоким штилем.

Комаров и Хинский смеялись.

– Вероятно, большой чудака этот ваш пастух.

– Ну, ладно! Шут с ним, с этим чудаком, – заметил Комаров. – Давайте, товарищ Никитин, кончать. Сегодня нам с лейтенантом дальше ехать надо...

– Как же с Карданом? – спросил начальник заставы.

– Вот именно о Кардане-то и речь... – ответил Комаров. – Вы когда намерены отправить его в район?

– Сегодня, товарищ майор. В семнадцать часов, со всей партией.

– Так... Вот что, товарищ Никитин: пройдите сейчас с лейтенантом Хинским по коридору мимо комнаты Кардана, скажите лейтенанту громко, по-русски, что этот задержанный подозрителен и что сегодня в двадцать два часа вы его отдельно от партии отправите в район. Когда вернетесь сюда, продолжим знакомство с остальными нарушителями.

– Слушаю, товарищ майор.

Старший лейтенант и Хинский вышли. Комаров включил по телевизору комнату Кардана.

Кардан продолжал читать, но уже лежа на койке лицом к Комарову.

Комаров не отрывая глаз следил за ним.

Книга, очевидно, очень заинтересовала Кардана. Страницы равномерно и быстро переворачивались одна за другой. Прошло несколько минут. Вдруг брови дрогнули, глаза, расширившись, неподвижно остановились на какой-то строке, смуглое лицо Кардана стало медленно сереть. Он отложил книгу и закрыл глаза.

Солнце заливало комнату жарким светом.

Кардан открыл глаза, лениво повернул голову, посмотрел на окно, на поднятую кверху штору, словно борясь с желанием опустить ее. Потом медленно встал, потянулся, потрогал с болезненной гримасой кожу над губой. Взял зеркальце и, став спиной к окну, в ливень горячего солнечного света, опять начал вглядываться в отражение своего лица, пощупывая кожу на подбородке, гримасничая, поворачивая и наклоняя зеркало во все стороны. Наконец положил его на стол, прошелся несколько раз по комнате.

Вдруг солнечный зайчик сверкнул откуда-то в окно комнаты Кардана, стрельнул Комарову в глаза. Скользнул на потолок, исчез, вновь появился и опять исчез где-то над дверью. Так продолжалось минут десять. Изредка, поглаживая подбородок, Комаров внимательно наблюдал за мельканием зайчика. Кардан уже лежал на койке лицом кверху, бездумно, казалось, глядя на потолок над входной дверью, невидимой на экране, куда прыгали непрерывно зайчики из окна. Комаров встал, выключил экран и, заложив руки за спину, с опущенной головой, размеренными шагами начал ходить по кабинету. На скулах его спокойного лица играли желваки.

Ходил долго, потом внезапно остановился перед столом, включил в аппарат телевизора звук и вызвал районное управление. Через него соединился с Москвой и попросил к экрану заместителя министра государственной безопасности.

Разговор продолжался долго.

– Ну что же, Дмигрий Александрович, – сказал под конец заместитель министра, – эксперимент ваш одобряю. Но только смотрите: не по пустякам ли вы отрываетесь от более важных дел? Наблюдение за Карданом мог бы вести и менее ответственный работник. Вот на арктическом строительстве что-то неладное творится.

– Василий Петрович, – глуховатым ровным голосом ответил Комаров, – я чувствую... что за Карданом скрывается что-то очень значительное. Тряхну стариной! А если я вам понадоблюсь для арктического строительства, меня всегда легко отыскать.

– Я верю вашему чутью, Дмитрий Александрович. Оно вас, кажется, никогда не обманывало.

– Благодарю вас, Василий Петрович.

– Ну, прощайте. Желаю успеха.

Комаров выключил аппарат, встал, взял карандаш со стола и, решительными шагами подойдя к большой карте района, висевшей на стене, погрузился в ее изучение.

Глава вторая

Рискованный эксперимент

Ночь в лесу была темная, безлунная.

Ветер порывами шумел в вышине, скрипели ветви, шептались листья, словно набегающая на песчаный берег морская волна.

Надвигались тучи. Где-то далеко, тяжело ворочаясь, погромыхивал гром.

Прямая дорога была едва заметна в лесу, в темноте, между двумя черными, колеблющимися под ветром стенами деревьев.

Далеко впереди, в облачке света, мерцали красные точки – фонари на электромобиле² Паншина.

С потушенными фарами электроциклы³ бесшумно бежали вслед. Певуче, чуть слышно гудели под сиденьями моторы, мягко шуршали шины. Ветер свистел в ушах, забивал ноздри ароматом увядающих трав, опавших листьев, предгрозовыми запахами земли.

Словно кончик маленького бича, хлестнула в лицо первая крупная капля.

– Быть грозе, – сказал Комаров вполголоса.

– Не иначе, товарищ майор, – последовало в ответ с соседнего сиденья. – Джим нервничает. Бойтся без следа остаться...

Собака отозвалась нетерпеливым повизгиванием на свое имя.

Вдруг ослепительно сверкнула молния, осветила небо, землю, лес – и погасла. Тьма на мгновение стала плотной, почти осязаемой. С оглушительным треском разорвалось над головой полотнище неба, с грохотом, непрерывно сталкиваясь, покатались с невидимой горы огромные пустые железные бочки.

Хлынул дождь.

Красные огоньки, чуть видневшиеся впереди, словно сквозь густую мерцающую сетку, вдруг взметнулись кверху, вильнули в сторону и исчезли. Желтоватое световое облако разрослось, перенеслось на другую сторону дороги, и яркий луч облил расплавленной бронзой вынырнувшие из тьмы стволы деревьев.

В облаке света мелькнули какие-то тени.

Сквозь шум грозы издалека донесся слабый крик и оборвался. Навалилась тьма, проглотила луч, залила сияющее облако.

Стоп, Платонов! – отрывисто сказал Комаров и, поднеся ко рту аппарат микрорадио,⁴ скомандовал: – Лейтенант, стоп! Выгружаться! Ко мне! Выходите с Джимом, старшина!

Через несколько секунд два силуэта смутно возникли в темноте.

– Здесь, товарищ майор, – послышался тихий голос Хинского.

– Вперед! – бросил Комаров.

Четыре человеческие тени молчаливо в потоках низвергающейся воды понеслись по залитой дороге. Впереди, с натянутым, как струна, поводком, бежал старшина, увлекаемый Джимом.

² Электромобиль – экипаж, приводимый в движение несколькими электрическими моторами, получающими энергию от электрических аккумуляторов.

³ Электроцикл – мотоцикл, снабженный электромотором.

⁴ Микрорадио – карманная радиопередающая и радиопринимающая установка. Применение ее стало возможным после изобретения весьма компактных электрических аккумуляторов, питающих электрическим током передатчик. Установка микрорадио смонтирована в виде складывающейся микрофонной (телефонной) трубки, сбоку ее прикреплен стержень, который выдвигается (телескопически) вверх, образуя излучающую антенну. Внутри трубки находится аккумулятор; снаружи – диск с поворачивающейся стрелкой, с помощью которой можно менять длину излучаемой и принимаемой радиоволны.

Вдруг поводок ослабел и упал, старшина едва не налетел на окаменевшую в стойке собаку.

– Стой! – глухо произнес старшина.

Поперек дороги неподвижной черной глыбой стояла машина.

Послышался слабый, приглушенный стон.

Комаров бросился к иастежь раскрытой дверце электромобиля.

Луч карманного фонарика осветил на полу кабины пограничника, опутанного веревками, с завязанным ртом. Его винтовка валялась рядом.

– Паншин! – глухо воскликнул Комаров, быстро и умело развязывая бойца, в то время как Хинский торопливо освобождал его от кляпа.

– Не ранен? – спросил Комаров.

Боец молча, словно с трудом приходя в себя, отрицательно покачал головой.

– Оглушен?

– Ударили чем-то... по голове... товарищ майор, – пробормотал Паншин, поднимаясь с помощью Хинского на сиденье.

– Вы сопротивлялись?

– Просил пощады, товарищ майор – повеселев и усмехаясь, ответил окрепшим голосом Паншин. – Бросил винтовку... Рассмеялись... Один сказал: «Тем лучше». Все получилось так, как вы предсказывали.

– Говорили по-русски?

– По-русски, товарищ майор.

– Сколько их было?

– Кажется, четыре человека. В масках.

– Как остановили машину?

– Веревку протянули поперек дороги. Я ее заметил вовремя... затормозил. Машину занесло...

– Где Кардан?

– Связали и унесли.

– В какую сторону?

– По дороге. К мосту.

Хинский вдруг рванулся внутрь кабины.

– Товарищ майор, записка!

В углу на сиденье белел обрывок бумаги.

Комаров схватил ее, осветил фонарем. На бумажке было написано печатными буквами: «Смерть предателю! Так будет со всеми изменниками!»

Подписи не было.

Комаров помолчал, глядя на записку, погладил подбородок и произнес:

– Очень глупо... Для дурачков писано...

Частой барабанной дробью дождь бил по крыше кузова.

– Сможете довести машину до заставы? – спросил Комаров Паншина, выходя под ливень.

– Вполне, товарищ майор. Я уже оправился.

– Отлично! Товарищ старшина, отдайте ему Джима. Собака бесполезна при такой погоде.

Где электроциклы?

– Здесь, товарищ майор, – ответил старшина. – Андреев привел.

– По машинам! – скомандовал Комаров. – Скажите начальнику заставы, товарищ Паншин, чтобы дедушку Павла не трогал, но глаз чтобы с него не спускал. Особенно когда дедушка бреется на солнце. Молод еще, глуп, не сеял круп... Ну, счастливо!

Раскаты грома заглушили последние слова Комарова. Молния на мгновение осветила залитую водою дорогу.

Электроциклы полным ходом понеслись сквозь ливень.

– До поста далеко? – спросил сквозь свист ветра Комаров, доставая из футляра, висевшего на груди, инфракрасный ночной бинокль.⁵

– Сейчас будет, – ответил старшина.

Он сунул два пальца в рот, тихо свистнул и сбавил ход машины.

У края дороги возникла тень. Электроцикл остановился. Тень приблизилась вплотную. Обозначилась фигура бойца в плаще, с винтовкой.

– По дороге проходили? – спросил Комаров.

– Четверо. Пробежали к мосту. У двоих длинный тук на плечах.

– Хорошо, – сказал Комаров. – Вперед!

Он поднял к глазам ночной бинокль, долго всматривался в темноту вдоль дороги.

– Ничего не видно, – сказал он.

Через километр из засады вышел боец и доложил тоже:

– Пробежали четверо. С тюком на плечах. К мосту.

Но бинокль все еще ничего не мог уловить.

За мостом дорога раздваивалась. Из густых придорожных кустов при вспышке молнии появился боец в струях стекающей по плащу воды и доложил:

– Только что пробежали пятеро. Сели в ожидавшую машину с потушенными огнями.

Ушли по правой дороге. Уловил слова: «Георгий Николаевич, садитесь к шоферу».

– Какая машина? – спросил Комаров.

– Цвета не различил. По форме кузова – тульская, «ТЭМ-146».

Электроциклы были пущены на полную мощность.

Дождь утихал. Гроза уходила. Ветер забивал дыхание. Дорога вырвалась из леса, и сразу посветлело.

– Сколько еще постов впереди, товарищ старшина? – спросил Комаров не отнимая бинокля от глаз. – Кажется, пять?

– Пять, товарищ майор.

– Дорога на станцию?

– На станцию. Другая – в районный центр – осталась слева.

– Ближайший поезд на станции?

– В четыре пятьдесят восемь. На Киев.

– Отлично... Вот и машина! – тихо воскликнул Комаров.

Вдали, в серой мгле, начало сгущаться смутное темное пятно, уносившееся вперед. Еще через несколько минут пятно стало принимать более четкие формы. Блеснули металлические части. В бинокль уже ясно стал виден приземистый, удлинненный кузов преследуемой машины.

Комаров почти лежал грудью на бортике коляски, пристально, до боли в глазах, всматриваясь в силуэт машины сквозь сереющую темноту.

– Так, – сказал он наконец, выпрямляясь и опуская бинокль. – Правильно. «ТЭМ-146». Как фамилия бойца на разветвлении дорог, товарищ старшина?

– Красавин, товарищ майор.

– Заметьте себе: доложите начальнику заставы о его внимательности при исполнении службы.

– Слушаю, товарищ майор.

⁵ Инфракрасный бинокль – За красным концом спектра находятся невидимые глазом инфракрасные лучи с длиной волны от 1 мм до 0,76 микрона. Обнаруживаются они главным образом по тепловому действию. Инфракрасный бинокль улавливает эти лучи, преобразуя их в видимые; с помощью этого бинокля можно наблюдать отдаленные предметы ночью.

Комаров достал из кармана аппарат микрорадио, ощупью отвернул нижнюю крышку его плоского футляра – микрофон, вытянул вверх провод-антенну, приложил слуховую трубку к уху и перевел на диске кнопку избирателя на новую позицию.

– Районная шестьдесят четыре?.. «Индеец»... Кто у микрофона?.. Присоедините диктофон... Говорит Комаров... Старший инспектор Главного управления... Двести восемьдесят шесть... Передайте срочно на станцию Вишневок. К станции идет электромобиль – тульский «ТЭМ-146». Пассажиров пять или шесть. Внимание на коренастом мужчине, широкое, смуглое, скуластое лицо, черные волосы, свисающие на лоб, черные густые усы, тонкий горбатый нос. Следить и за остальными. За «ТЭМ-146» следую я на двух электроциклах вашей погранзащиты. Номера: два нуля девяносто шесть и два нуля девяносто семь. Встретить меня на станции с информацией. Все.

Навстречу, сверкая матовыми огнями, неслась огромная грузовая машина с горою мешков, тюков, ящиков. Мелькнул туманный, расплывчатый силуэт какого-то здания у дороги, за ним другого, третьего. Начиная светлеть. Наступало утро.

Вдали показалась группа строений. Одновременно донесся отдаленный протяжный звук сирены.

– Экспресс Одесса – Киев, – заметил старшина.

– Поспеем ли? – с тревогой спросил Комаров.

– Поспеем. Это сигнал перед поворотом пути за тридцать километров до станции. Поезд еще должен нас обогнать, вон там – справа.

Встречные машины и люди стали попадаться все чаще. Пришлось замедлить скорость. Несколько раз «ТЭМ-146» исчезал из виду, потом вновь показывался, когда электроцикл набирал скорость.

Справа на прояснившемся горизонте появилась стремительно скользившая темная лента. Она шла наперерез электроциклам и «ТЭМ-146».

Станция была уже совсем близко. Но и движение по шоссе становилось все гуще. В бинокль Комаров уловил, как электромобиль ворвался на станционную улицу, продолжавшую шоссе, ловко лавируя между встречными машинами, и скрылся среди них.

– Увеличьте скорость, – произнес Комаров и оглянулся.

Машина Хинского, держась в двухстах метрах, мчалась сзади. Хинский, в штатском платье, как и Комаров, сидел рядом с бойцом-водителем, тоже одетым в штатское. Встречный ветер трепал его черные волосы, и Комарову показалось, что на смуглом худощавом лице молодого лейтенанта сверкнули зубы в широкой улыбке. Губы Комарова чуть тронулись в ответной теплой улыбке. Он вспомнил радость своего юного помощника, когда тот узнал, что майор берет его с собой. Лейтенант впервые участвовал в такой крупной охоте...

Электропоезд стоял у перрона. На выходном семафоре вспыхнул зеленый цвет. «ТЭМ-146» медленно отходил от станционного подъезда.

Электроциклы не успели еще остановиться, как Комаров и Хинский спрыгнули на ходу. Они бросились вверх по широкой каменной лестнице в станционное здание.

На верхней ступени стоял человек. Он шагнул им навстречу.

Комаров пробежал мимо него, шепнув одно слово: «Индеец».

Человек быстро пошел за майором, говоря вполголоса:

– Третий вагон, пятое купе... Вдвоем... четверо остались...

– Следите за ними! – отрывисто бросил Комаров, выбегая из здания на перрон.

Мимо перрона, набирая скорость, мелькали лакированные вагоны с закрывающимися на ходу створками выходных дверей. Поезд был скоростной, с обтекаемыми формами, без промежутков между вагонами, со скрытыми ступеньками и поручнями.

Когда Комаров подбежал к краю перрона, последний вагон поравнялся с ним. Комаров бросил на него взгляд, полный отчаяния. Потом вдруг пригнулся, одним прыжком влетел в еще полураскрытую дверь вагона и уперся в нее плечом.

В следующее мгновение на него обрушился, едва не сбив с ног, Хинский и обхватил его за плечи. Неся на себе Хинского, Комаров сделал шаг внутрь вагона, отпустил дверь, и она неслышно захлопнулась за ними.

Поезд уже летел по простору полей, мягко покачиваясь и глухо погромыхая на стыках рельсов.

Глава третья

Под наблюдением

– ...И я вам определенно говорю, что если бы не ранняя смерть, Красков дал бы неподражаемые вещи! Одна его «Девочка с цветами» чего стоит! А «На физкультурной площадке»? Сколько в этих полотнах изящества, тонкости рисунка! Я не боюсь сказать, что это были лишь первые шаги гения.

– Ну... уж и гения! Вы преувеличиваете, Лев Маркович, – тихо возразил Комаров, поправляя в ухе наконечник гибкой трубки; второй конец ее он плотно прижимал к отверстию трубы из установки для кондиционирования воздуха,⁶ пытаясь уловить все звуки, раздававшиеся из разных купе. Это не мешало Комарову поддерживать с Хинским разговор об искусстве.

Когда разговор касался вопросов искусства, особенно живописи, Хинский терял спокойствие и выдержку, которым он так старательно учился у Комарова.

– Уверяю вас, Дмитрий Александрович, это был художник огромной силы. Вы просто недостаточно знаете его работы! – горячо доказывал Хинский.

Комаров вдруг предостерегающе поднял руку, наклонил голову к стенке вагона и прислушался.

Вагон, чуть покачиваясь, стремительно несся вперед. Моторы под полом монотонно жужжали, колеса глухо и дробно постукивали. За плотно закрытым окном, в сумерках засыпающего дня, свиваясь в вихри, уносилась назад придорожная пыль.

Хинский, подавшись вперед, вытянул шею, тоже стал прислушиваться.

Наконец Комаров поднял разочарованное лицо. Он поправил наконечник трубки в ухе, плотнее прижал другой ее конец к отверстию трубы из установки для кондиционирования воздуха и сказал:

– О чем-то разговаривают... Так тихо, что ничего не удалось понять... В каком-то дальнем купе очень громко говорят, забивают... Разобрал только: «Николаев» да «аэродром».

Хинский задумался. Он взял со столика вечернюю поездную газету и, расположившись поудобнее в кресле, начал читать.

Сумерки сгущались.

– В Вознесенске будем в ноль тридцать? – не то спрашивая, не то утверждая, сказал Комаров.

– Да, Дмитрий Александрович.

– Так... Значит, на меридиане Николаева в одиннадцать часов тридцать минут...

Хинский потянулся к выключателю, тихо спросил:

– Свет не помешает? В темноте угла, куда забился Комаров, он уловил смутное движение его головы.

Свет залил купе. Комаров с опущенными глазами неподвижно сидел у стены.

Молчание длилось долго. Жужжали моторы; колеса что-то быстро и неразборчиво бормотали под полом.

Наконец Комаров вздохнул и поднял глаза.

– Что нового в газете? – тихо спросил он.

– Программа зимнего сезона в Большом театре... Новая опера Харламова... Открытие профессора Курдюмова... Новый способ переливания крови... О!.. Минутку... минутку...

⁶ Кондиционирование воздуха – получение и подача воздуха определенной температуры, влажности и чистоты. Установки по кондиционированию воздуха снабжаются регуляторами для охлаждения или подогрева, увлажнения или осушения, очистки его и проч. Благодаря этим установкам можно зимой и летом поддерживать в любом помещении равномерную, умеренную температуру.

Хинский быстро пробежал несколько строчек.

– Внезапно умер Вишняков... Помните? Дело об искажении георадиограмм на арктическом строительстве... Вот: «В доме предварительной изоляции при загадочных обстоятельствах...», говорится в сообщении.

– У Комарова заблестели глаза.

– Подробностей нет? – спросил он.

– Нет... Вот только, что Вишнякова накануне осматривал врач и что он был совершенно здоров.

– Странно, – задумчиво произнес Комаров. – Внезапные смерти стали у нас редкими. Что бы там могло случиться?

После короткого молчания Хинский сказал:

– С линии Владивосток – Иокогама – Сан-Франциско сняты океанские электроходы «Карелия», «Днепр» и «Щорс», а с линии Ленинград – Лондон – Нью-Йорк – электроходы «Десна», «Полтава» и «Дон». Все переданы ВАРу для ускорения его морских перевозок...

– Да, там какие-то затруднения с перевозками, – заметил Комаров. – Еще перед отъездом из Москвы я слышал об этом. Какая-то путаница, неразбериха. При таком огромном, мощном флоте, какой имеется в их распоряжении... Можно подумать, что Катулин разучился вести большие дела...

Хинский перебил его:

– Большое дело... Это не то слово! Великое! Грандиозное! Я уж и не знаю, какой эпитет здесь подыскать... Второй год идет строительство, четвертый год оно волнует весь Советский Союз, весь мир, а я все не могу свыкнуться с ним, хладнокровно говорить о нем. Подумать только – переделать Арктику! Дух захватывает при одной мысли об этом! Нет, Лавров положительно гений! И ни разу мне не удалось побывать там...

– Все это верно, – медленно сказал Комаров, погруженный в свои мысли. – Боюсь только, не исполнится ли ваше желание раньше, чем вы думаете... не назревает ли и там для нас работа...

– Вы думаете? – живо спросил Хинский. – Почему?

– Слишком большие страсти разгорелись вокруг этого строительства. Слишком много мировых враждебных сил оно привело в движение.

Комаров помолчал и снова тихо заговорил:

– Мне не нравится это дело Вишнякова... И его странная смерть... И вся эта путаница в делах строительства. Это не похоже на Катулина.

На большом матовом экране над дверью вспыхнула зеленая надпись: «В вагон-ресторане ужин с 21 часа до 24 часов. Меню...» Следовал длинный список блюд, закусок и напитков.

Надпись продержалась на экране минут пять, погасла, на ее месте вспыхнула новая: «В концертном вагон-зале с 22 часов телевизио-тонпередача: „Отелло“ Шекспира со сцены Ленинградского Большого драматического театра. В ролях: Отелло – Беркутов, Дездемоны – Королева, Яго – Сикорский».

Комаров показал головой на дверь.

– Проследите, держите связь... – тихо сказал он.

Хинский отложил газету, встал, осмотрел себя в зеркале и, поправив галстук, вышел из купе.

В узком коридоре двое людей оживленно разговаривали, третий стоял у окна и смотрел в темноту на двигавшиеся по полю яркие огни. Очевидно, электрокомбайны спешно заканчивали уборку второго урожая пшеницы-скороспелки.

Хинский тоже стал у окна перед дверью соседнего купе.

Вскоре дверь отодвинулась, вышел широкоплечий, невысокого роста человек со светлыми, зачесанными назад волосами, с длинным бритым лицом и быстро закрыл купе за собой.

Но за это короткое мгновение Хинский, оглянувшись, успел заметить в купе человека с черными усами. Он лежал на диване и читал газету. Пассажир, вышедший в коридор, быстро, но незаметно осмотрелся и спокойно направился к выходу из вагона.

Прильнув к окну и прикрыв рукой глаза от бокового света из коридора, Хинский, казалось, целиком ушел в наблюдение за ночной жизнью на поле.

Спустя минуту он последовал за неизвестным.

На герметически закрытых переходных площадках сильно покачивало, стук колес и гул моторов звучали ясней. Хинский быстро прошел два вагона, не выпуская из виду широкой спины незнакомца, одетого в светло-коричневый костюм.

Вагон-ресторан был ярко освещен, пестрел букетами цветов на столиках, сверкал белизной скатертей, стеклом и металлом столовых приборов. Сквозь хрустально чистое стекло внутренней входной двери среди нарядно одетых, оживленных людей Хинский увидел незнакомца, уже усаживающегося за столик.

Вдоль наружных стен вагона, над столиками, тянулась четырехугольная труба из черной лакированной пластмассы. Над каждым столиком в стенку трубы была вделана дощечка с разноцветными кнопками и цифрами против них.

Незнакомец посмотрел меню, повернулся к дощечке и нажал несколько кнопок. Потом взял газету, откинулся на спинку кресла и начал читать.

Убедившись, что незнакомец основательно уселся, Хинский оглянулся. В узком коридорчике, где он стоял, справа была дверь с надписью: «Туалет». Хинский быстро вошел в это купе и запер дверь за собой. Вынув карманный радиотелефон, он раскрыл его, настроил аппарат на волну Комарова. Через минуту послышался тихий ответный гудок.

Хинский почти шепотом произнес над микрофоном: – «Индеец» и «Лев»... Да, это я... Основной остался, спутник в вагоне-ресторане... Да... Понимаю... До конца? Хорошо... Но вряд ли... Они разойдутся... Слушаю...

Хинский спрятал аппарат в карман и, выйдя из кабины, направился в ресторан. Здесь он незаметно прошел к столику в дальнем углу.

В этот момент в трубе над столиком незнакомца раздался тихий звонок, в ней раскрылась незаметная до того дверца. В отверстии показались две конвейерные ленты: одна, верхняя, с использованной посудой, непрерывно двигалась; другая, с горкой хлеба на тарелке, была неподвижна. Незнакомец снял тарелку, лента продвинулась по трубе немного дальше и опять остановилась: показалась стопка из нескольких тарелок, набор ложек, вилок, ножей, соусники. Затем на продвигавшейся постепенно ленте показались один за другим крытые судки с блюдами. Незнакомец снял их и принялся за ужин. Он был, очевидно, голоден, если судить по количеству заказанных блюд и по той поспешности, с которой он начал есть.

«Еще бы! С утра не ел...», – сочувственно подумал Хинский.

Хинский был тоже голоден и заказал себе скромный ужин.

Стрелка на больших настенных часах приближалась уже к двадцати трем часам. Хинский, покончив с ужином, поставил использованную посуду на верхнюю ленту конвейера и принялся за фрукты. Наконец незнакомец встал и, постояв минуту, словно в нерешительности, направился в концертный вагон-зал. Через некоторое время вошел туда и Хинский.

В зале было темно, на ярко освещенном большом экране демонстрировалась сцена ленинградского театра. Отелло разговаривал с Яго, волновался, негодовал, уже отравленный ядом подозрений. Зрители с напряженным вниманием следили за великолепной игрой Беркутова и Сикорского.

Уже кончался третий акт, когда Хинский обратил внимание на то, что поезд замедляет движение.

«Подъем, что ли?» – подумал Хинский, но сейчас же отбросил эту мысль: для экспресса, шедшего со скоростью в сто пятьдесят километров в час, подъемов, замедлявших эту скорость,

не существовало. Однако поезд шел все тише. В зал доносились частые приглушенные звуки сирены.

«Шестьдесят... сорок километров в час...», – с нарастающим беспокойством определял Хинский скорость, прислушиваясь к стуку колес.

Он оглянулся и шепотом спросил соседа:

– В чем дело, товарищ? Не знаете ли, почему поезд замедляет движение?

– Третий день ремонт пути... – вежливо ответил тот, не сводя глаз с экрана.

В этот момент мимо окон с обеих сторон вагона медленно проплыли назад несколько красных предостерегающих огней.

Хинский успокоился и, убедившись, что незнакомец на месте, обратился к экрану. Минут через пять поезд начал вновь набирать ход и, словно наверстывая потерянное время, с ускоренной быстротой понесся во тьме.

В начале первого, за полчаса до Вознесенска, экран потух, в зале загорелся свет, и зрители начали расходиться.

Не теряя из виду незнакомца, Хинский быстро прошел за ним в свой вагон. Когда человек скрылся в купе, молодой лейтенант отодвинул свою дверь и глухо вскрикнул.

Купе было пусто, Комаров исчез.

В открытое, вопреки всем правилам, окно со свистом врывался ветер, трепля оконные занавески и внося с собой клубы пыли, подхваченный с дороги мусор и песок. Полотенца, салфетка и вазочка с цветами валялись на полу. Пыль облаком стояла в воздухе, свет электрической лампы едва пробивался сквозь нее; трудно было дышать.

Машинально закрыв за собой дверь, Хинский некоторое время стоял посреди купе, растерянно оглядываясь и силясь что-нибудь понять. Наконец он медленно подошел к окну, поднял его и повернул рычажок герметизации. Потом он пустил вытяжной вентилятор, усилив подачу чистого воздуха из установки кондиционирования. Мозг лихорадочно работал, густые черные брови совсем сошлись на переносице.

«Что случилось? Куда он девался? Может быть, просто вышел, сейчас вернется? Но окно!...»

Он внимательно осмотрел только что повернутый на раме окна рычажок. Нет... он действует исправно. Окно было кем-то опущено. Но это категорически воспрещается правилами для пассажиров, чтобы не загрязнять чистый, свежий воздух, который подается в вагоны установками кондиционирования. Значит, что-то очень важное заставило Комарова нарушить эти правила. Комаров не такой человек, чтобы делать что-либо зря... Да... но куда же он девался? Выскочил поспешно из купе, не успев закрыть окно?

Вдруг новая неожиданная мысль кольнула сердце.

Нападение! Его выбросили в окно!

Хинский быстро оглянулся. Нет... Не видно никаких следов борьбы... Комарова голыми руками не возьмешь... Наконец, был бы шум... Сбежался бы народ...

Хинский немного успокоился, но все же подошел к окну, внимательно и пристально рассматривая столик под окном, нижнюю часть оконной рамы, место, где сидел Комаров, в углу дивана у наружной стенки.

Ничего подозрительного под ровным слоем все покрывавшей пыли.

Да! Салфетка! На столике была салфетка!

Молодой лейтенант быстро поднял ее с пола и начал исследовать сантиметр за сантиметром. Вот!

У середины салфетки, возле сгиба, чуть заметно обозначалось широкое, с неясно закругленными контурами пятно.

Хинский пристально взгляделся в него, потом вынул из кармана маленькую, но сильную лупу и навел ее на подозрительное место. Теперь хорошо видны очертания пятна.

Подошва! Подошва ботинка! Впрочем... Не он ли сам неосторожно наступил на салфетку? Нет... нет... Он отлично помнит, что бессознательно, по укоренившейся уже привычке, обходил лежавшую на полу салфетку. Уже с первого момента, войдя в купе, пораженный всем, что увидел здесь, он старался ни к чему не прикасаться, точно предчувствуя, что все это еще придется исследовать, рассмотреть. Кроме того, у него узкий ботинок, а здесь след гораздо шире. И у Комарова нога широкая...

Осторожно держа растянутую в руках салфетку, Хинский разложил ее на столике, отпечатком следа кверху. Сгиб лег ровно по бортику стола, на противоположном бортике лежал такой же сгиб. Салфетка оказалась на своем месте. След, словно отрезанный, начинался у бортика против места Комарова. Отпечаток носка приходился на середину стола.

Хинскому стало жарко. Ему впервые приходилось самостоятельно решать такие задачи. Итак, Комаров ступил одной ногой на столик.

Зачем? К окну?!

Хинский отвернул рычажок герметизации, начал медленно и осторожно спускать раму окна.

Горячий, колкий от песка ветер ударил в лицо, растрепал волосы.

Сантиметр за сантиметром, медленно и пристально Хинский рассматривал черное каучуковое ребро оконной рамы.

Тонкая, едва заметная и чуть взлохмаченная царапина. Совсем свежая, еще взъерошенная, она шла поперек ребра – изнутри кнаружи. И вот другая вдоль ребра...

Сомнений не было! Комаров выпрыгнул в окно!

Чувствуя внезапное изнеможение, Хинский поднял раму, повернул рычажок и опустился на диван.

На полном ходу поезда... Ведь это смерть! Это самоубийство!

Лейтенант сорвался с места, бросился к двери.

Надо поднять тревогу! Надо остановить поезд! Надо искать его... может быть, уже его труп!

Он схватился за ручку двери – и остановился.

Нет! Нет, нет... Комаров не такой... Не такой человек Комаров! Что, он этого сам не понимал? Значит, это нужно было... Нужно было и можно было... Что-то произошло... Где Кардан? Не может быть, чтобы Комаров оставил Кардана. Значит, и Кардан туда же...

Вдруг вспыхнуло воспоминание: красные огни, ремонт пути, замедленный ход поезда... Ясно!

Лейтенант слабо улыбнулся, надежда оживила его. Несколько минут он сидел неподвижно, откинувшись на спинку дивана, закрыв глаза, потом встал, снял с крючка электропылесос и начал приводить в порядок купе.

Вдали за окном показались огни. Жемчужный световой туман, все больше сгущаясь, залил горизонт.

Поезд замедлил ход; тряхнуло на первой стрелке.

Вот и Вознесенск.

* * *

В Вознесенске незнакомец почти не причинял хлопот лейтенанту. По-видимому, он чувствовал себя здесь вполне спокойно и уверенно.

Не желая попадаться ему на глаза, лейтенант передал наблюдение местным работникам. Ежедневно ему сообщали лично и по микрорадио, что делает, как живет, кого посещает незнакомец.

Впрочем, с первого же дня своего пребывания в Вознесенске этот человек перестал быть незнакомцем. На большом заводе, который он с утра посетил, его давно знали: Петр Оскарович Гюнтер, контролер-приемщик ВАР – Великих Арктических Работ.

Сейчас он приехал для обследования работы контролеров-приемщиков на заводах.

Он был очень строг, требователен, почти придирчив. Ни одна мелочь не ускользала от его глаз. И контролеры и администрация заводов с уважением относились к его указаниям. Все его требования были дельными, и возражать было нечего.

Два дня Гюнтер провел в Вознесенске. Хинский находился эти дни безвыходно в гостинице, почти не показываясь на улице. Помимо того, что в любой момент к нему могло поступить сообщение о готовящемся выезде Гюнтера из города, он неустанно занимался поисками Комарова в эфире при помощи своего микрорадио.

Он все надеялся, что майор, может быть, еще находится в радиусе действия этого мало-мощного аппарата, где-нибудь в пределах двухсот километров от Вознесенска.

Сомнения и тревога не давали покоя молодому лейтенанту.

За год работы с Комаровым он успел всей душой привязаться к начальнику – всегда спокойному, выдержанному, талантливому «следопыту», человеку с самыми разносторонними интересами и запросами. Беседы с ним о работе, долгие задушевные разговоры о жизни, об искусстве доставляли Хинскому истинное наслаждение. Они открывали ему столько нового, иногда неожиданного, что молодой человек готов был часами слушать своего начальника и друга.

Комаров был одинокий человек. Два года назад он потерял жену. Он был из породы однолюбов, и до сих пор затянувшаяся, но не зажившая рана тихо ныла в его сердце. Ему все не хватало чего-то, он чувствовал все время рядом с собой пустое, незанятое место. Сын умер еще мальчиком. Дочь в прошлом году уехала с любимым человеком в Ташкент, и редкие встречи с ней на экране телевизифона не могли оживить пустую теперь квартиру.

Восторженная привязанность молодого лейтенанта трогала Комарова своей искренностью. Он полюбил его, как сына, когда-то потерянного и теперь словно вновь найденного.

...Тревога мучила лейтенанта. То ему представлялось искалеченное тело Комарова – одинокое, в ночи, возле путей, то казалось, что он видит своего майора окруженным врагами, отражающим нападение, изнемогающим, раненым, то он видел его усталым, измученным жаждой, едва бредущим под палящим солнцем.

И книга летела в сторону, Хинский вскакивал с кресла, шагал по комнате, потом вновь садился за радиоаппарат и посылал в эфир свои секретные позывные.

Проще всего, казалось, было бы начать поиски через аппарат государственной безопасности. Но Комаров мог быть недоволен, если в дело, которое он взялся вести самостоятельно, будут втянуты другие люди. Единственное, на что решился Хинский в первый же день, это навести справку на ремонтируемом участке железной дороги под Вознесенском. Он спрашивал, не был ли там подобран вчера ночью или сегодня утром раненый или убитый человек, бритоголовый, высокий, плотный, в сером костюме и темно-серых мягких ботинках с застежками «молния».

Отрицательный ответ немного успокоил Хинского.

На третий день, рано поутру, Гюнтер улетел на пассажирском самолете, отправлявшемся без промежуточных посадок в Харьков. Хинский последовал за ним.

В Харькове, занятый теми же делами, Гюнтер провел еще три дня, после чего железнодорожным экспрессом Севастополь – Москва вечером выехал в столицу.

Хинский ехал в том же поезде.

Чем ближе подходил поезд к Москве, тем более возрастало волнение лейтенанта. В Москве должно было многое выясниться и решиться.

Комаров еще в поезде высказал уверенность, что если его подозрения правильны, Кардан не минует Москвы, что клубок, пока еще запутанный, завязан именно там, в столице. Теперь лейтенанту надо было быть особенно начеку, тщательно проследить Гюнтера в Москве, подобрать нить, которую тот, может быть, обронит здесь.

Кроме того, Хинский решил лично доложить заместителю министра об исчезновении Комарова. Наверное, ему уже что-либо известно. Уж ему-то майор обязан доносить о ходе работы, о своих передвижениях по территории Союза. Если он только здоров... если жив... Скорее бы... скорее бы в Москву!

Поезд прибыл в Москву поздно, около двух часов ночи.

Прямо из вагона Гюнтер направился в привокзальный подземный гараж. К удивлению Хинского, он выбрал там сильную машину, малопригодную для движения по оживленным улицам города, и, сев за руль, вывел ее из гаража. Хинский в отдалении следовал за ним на быстромходном одноместном электроцикле.

Через несколько минут он понял выбор Гюнтера. Коричневый электромобиль вскоре свернул на загородное шоссе. Держась на приличной дистанции, Хинский не отставал от электромобиля.

Ночь была темная, беззвездная. Газосветные фонари хорошо освещали широкую гладкую дорогу, ехать было легко. Ветер свистел в ушах. По сторонам сквозь деревья мелькали смутные контуры уснувших дач, проносились огни загородных ночных кафе и ресторанов, придорожных электроколонок для зарядки аккумуляторов транспорта. Все реже становился поток встречных машин. Дорога делалась пустынной. Хинский потушил фары своего электроцикла и прибавил скорость.

Задние красные огоньки машины Гюнтера приблизились.

Дорогу Хинский знал отлично. Эти места были хорошо памятливы ему по воспоминаниям юности.

И теперь, почти беззвучно мчась с огромной скоростью, он узнавал поселки, станции, санатории и дома отдыха, тянувшиеся вдоль дороги.

Уже далеко позади остались Мытищи, Челюскин, скоро, за Клязьмой, должно было появиться Пушкино.

Электромобиль в облаке света от фар упорно мчался вперед.

«Куда его несет?» – подумал Хинский и посмотрел на свои светящиеся часы.

Была уже половина третьего ночи.

Справа мелькнул во тьме смутный силуэт знакомой мачты ветряка, накачивающего воду в сады и огороды.

«Клязьма...» – отметил про себя Хинский.

Едва он подумал об этом, как светлое облако впереди погасло и электромобиль исчез.

«Не проведете, гражданин Гюнтер... – подумал Хинский, ускоряя ход электроцикла. – Здесь только один поворот – направо, в улицу Коммунаров».

Зоркие глаза лейтенанта разглядели в черноте ночи поворот, и электроцикл помчался по улице. Через минуту, совсем привыкнув к темноте, Хинский увидел впереди себя темную массу электромобиля.

Расстояние между машинами быстро сокращалось. Казалось, что Гюнтер замедляет ход. Внезапно электромобиль со скрипом остановился.

Хинский чуть не слетел с сиденья, затормозив машину на полном ходу. Через несколько секунд лейтенант лежал на земле, у кустов, растущих вдоль дороги, тихо подтягивая к себе опрокинутый набок электроцикл.

Хлопнула дверь кабины электромобиля. Послышались неторопливые шаги по песку дорожки, потом по каменным ступеням. Вероятно, Гюнтер ожидал у дверей дома.

Затаив дыхание, лейтенант медленно, неслышно подползал по траве ближе к коттеджу.

В нескольких шагах от дома он приник к земле и замер.

Изнутри за дверью послышался какой-то глухой шум.

Гюнтер тихо, приглушенно произнес:

– Свои... Косарев... Привет от Асты...

Из-за двери донеслось новое бормотанье.

– Половина седьмого... – вполголоса произнес Гюнтер.

Лязгнула цепь, послышался глухой звук засова, бесшумно открылась дверь и уже вполне явственно закрылась. Наступила тишина.

Хинский продолжал лежать, не поднимая головы. Прошло минут десять. Окна дома слепо глядели в ночь, ни искорки, ни отблеска света не мелькнуло в них.

Хинский осторожно пополз назад, к электроциклу, потом, неслышно ступая, перебежал на другую сторону улицы. Ему хотелось, насколько допускала темнота, осмотреть дачу, соседние здания, запомнить местность. Держась подальше от края мостовой, под смутно вырисовывающейся тенью деревьев, он тихо пошел налево, дошел до угла.

«Кажется, Октябрьская улица», – подумал он и, решив проверить, повернул обратно, к другому углу квартала.

Не спуская глаз с дома, все так же тихо, словно скользя над землей, он прошел мимо него и направился дальше, к углу.

И вдруг он инстинктивно метнулся в сторону, к ограде: ему показалось, что какая-то тень вынырнула из-за угла и тотчас же скрылась.

Нет, не скрылась! Чуть слышное шуршание крадущихся шагов донеслось до лейтенанта.

Лейтенант приник спиной к ограде, сердце у него забилося, кулаки сжались.

«Вот как!.. Своя охрана?!»

Скользящее, почти неслышное движение приближалось... Оно уже совсем близко...

Высокая тень возникла и сгустилась во тьме, послышалось сдержанное дыхание...

Лейтенант стиснул зубы... Сердце застучало, словно молот.

И вдруг совсем близко тень сделала резкий поворот, громко скрипнул песок, вскинулась рука человека.

Хинский замер.

Мгновенно вспомнился девиз Комарова:

«В схватке не защищаться, а нападать!»

Молниеносным движением Хинский перехватил враждебную руку и сжал ее, как в тисках.

Послышался приглушенный стон, и в следующее мгновение лейтенант взлетел на воздух, перевернулся и грохнулся всем телом оземь. Он не успел еще прийти в себя, как кто-то, могучий и тяжелый, уже навалился на него...

Глава четвертая

Прыжок в ночь

После ухода Хинского в вагон-ресторан Комаров с удвоенным вниманием прислушивался к тому, что происходило в соседнем купе.

Как он и ожидал, через трубу установки для кондиционирования воздуха к нему вскоре донеслись звуки открываемой двери. Но кто вышел из купе? Оба пассажира или один? Этого Комаров не мог определить.

Оставалось ждать и слушать.

Комаров долго и неподвижно сидел в своем углу, ловя невнятные голоса, разговоры, доносившиеся из ближних и дальних купе, шорохи, зарождавшиеся в самой установке кондиционирования. Все это надо было распознать, из потока звуков выделить то, что было интересно и нужно.

Наконец настороженное ухо уловило едва слышный шум. Это был знакомый шелест тонкой и мягкой бумаги.

«Кто-то, значит, остался в купе и читает газету. Кто именно? Кардан или его спутник?»

Едва задав себе этот вопрос, Комаров услышал тихий, приглушенный гудок спрятанного в кармане микрорадио. Кто-то вызывал его. Конечно, Хинский.

Так и есть: пароль этой декады – «Индеец» и их двусторонний пароль – «Лев».

Хинский сообщал, что «основной» остался в купе, а спутник – в вагоне-ресторане. Ну что же, пусть он наблюдает за спутником неотступно, хотя бы пришлось разделить, если тот высадится в Вознесенске отдельно от «основного»... Вряд ли?... Почему вряд ли? Все возможно... Ну, хорошо... все...

Итак, Кардан остался в купе. Почему? Что он намерен делать? Почему не пошел в вагон-ресторан? Ведь он с утра там не был. Пора бы поесть. Решил ждать до Вознесенска? Ну что же, подождем.

Комаров опять задумался.

«Николаев»... Почему они говорили про Николаев? И «аэродром»... Правда, эти два слова в их беседе были разделены некоторым промежутком времени... В Николаеве есть аэродром. А пересадки из экспресса на Николаев нет. Значит, из Вознесенска они направятся туда, что ли? Но ведь и в Вознесенске есть аэродром! Нет, тут что-то не так...

Комаров терялся в догадках, строил предположения, но ни к чему прийти не мог.

Время шло. Было уже двадцать три часа, когда Комаров вдруг почувствовал замедление хода поезда. Колеса под полом стучали медленней, моторы звучали глуше... Снаружи, в темноте за окном, промелькнул красный огонь...

Комаров встрепнулся. Из соседнего купе по трубе донесся явственный шорох, быстрое шарканье ног по полу, какое-то металлическое пощелкивание... А поезд еще более замедляет ход! Второй красный огонь за окном медленно ползет назад... В чем дело? Ремонт пути, что ли? А, черт!

Комаров чуть не вскрикнул: из трубы вдруг послышался заглушенный грохот какого-то упавшего предмета, легкий свист. Комаров вскочил с места, не спуская глаз с окна.

В следующее мгновение за окном прошел третий красный фонарь. В его густом кровавом свете мимо окна, отделяясь в воздухе от вагона, пронеслась какая-то темная масса, вроде тюка с раскинутыми в стороны полосами, и растворилась в темноте позади...

– Ах, дьявол! – пробормотал Комаров сквозь стиснутые зубы.

В одно мгновение он вырвал трубку из отверстия в стене, спрятал в карман, бросился к окну и опустил раму. Горячий ветер ворвался в купе, трепля занавески, неся пыль и духоту. Одним движением, держась за раму, едва коснувшись столика ногой, Комаров выбросился из

вагона. Нога задела за раму, рука чуть не сорвалась, но Комаров удержался и повис на руках. Внизу проносились тени каких-то глыб, машин, штабелей. Приближался четвертый красный фонарь. Комаров сильно раскачался, глубоко вздохнул и оттолкнулся ногами от стенки вагона.

Снизу, из темноты, с головокружительной быстротой налетала на него какая-то темная бугристая масса.

Комаров вытянул вперед руки, с силой ударился ими, потом грудью обо что-то твердое, со стоном перевернулся в воздухе и покатился вниз по насыпи...

Лязгая цепями и буферами, сверкая огнями, поезд пронесся мимо и растворился в темноте.

Его отдаленный гул, замирая, скоро совсем затих, и в потревоженную на мгновение степь вернулись ночь, безмолвие и покой...

* * *

Откуда-то издалека со странным звоном донеслась короткая тихая очередь пулемета и оборвалась... потом, совсем близко, откликнулась другая... Нет, это не пулемет... Как будто ласковое шепелявое стрекотанье бабушкиной швейной машинки... Пахнуло далеким солнечным детством... Потом вдруг зябкая дрожь прошла по телу...

Комаров открыл глаза.

На склоне ясного неба длинное, с рваными краями облачко окружилось золотой каймой. У самого уха в густой траве трещал свою раннюю песенку кузнечик.

Комаров быстро пришел в себя.

– Вот тебе и пулемет и бабушкина машинка, – усмехнулся он и сел.

Кузнечик взвился, трепеща крылышками, описал дугу и скрылся за высокой кучей щебня.

Боль в груди и правой руке напомнила обо всем, что произошло ночью.

Вдали гроыхали машины, гудели моторы, лязгал металл.

"Ну, мое счастье, что упал сюда, – подумал Комаров оглядываясь. На этом участке ремонт пути, видимо, был уже кончен: машины, рельсы, камень убраны, остались лишь кучи песка и гравия.

В южных степях светает и в августе очень рано. Солнце уже стояло над горизонтом. Золотая кайма на облачке бледнела и ширилась. Подул прохладный ветерок. Тихо шелестела пшеница, плотной высокой стеной стоявшая по обе стороны полотна.

Шатаясь и потирая ушибленную грудь, Комаров медленно встал, отряхнул с себя пыль и пошел, прихрамывая, вдоль пути, внимательно всматриваясь в землю, в траву, покрывавшую небольшой пологий откос. Следов было много – и свежих и старых, трава была везде примята, покрыта пылью и землей.

Комаров рассчитал, что он выбросился из вагона и упал примерно метрах в шестидесяти от места, куда должен был упасть Кардан. Однако, пройдя гораздо больше, Комаров не заметил ничего, что можно было принять за след Кардана. Тогда Комаров, отойдя подальше от полотна дороги, прошел обратно, к месту своего падения. Слева от него колыхалась высокая стена пшеницы. Золотистое море с седой зыбью тяжелых колосьев тянулось, насколько хватал глаз, до самого горизонта. Ни в пшенице, ни на земле, ни на кучах песка – нигде ни малейшего подозрительного следа.

– Что за черт! – пробормотал Комаров, потирая подбородок, и поморщился; подбородок был второй день не брит, и это было очень неприятно. – Куда же, однако, он девался? Не к Знаменке ли пошел пешком?... Ба! Николаев! Посмотрим по ту сторону пути.

Комаров перешел через полотно железной дороги. Та же взрыхленная почва, те же кучи песка и щебня, ровная стена шумящей пшеницы. Шаг за шагом Комаров исследовал узкое пространство между пшеницей и полотном дороги и вдруг припал к земле.

На небольшом камне под косыми лучами солнца сверкала, как свежесбитый осколок красного стекла, капля крови. Немного поодаль едва заметно краснело в песке другое кровавое пятнышко. Комаров осторожно притронулся к нему пальцем. Палец окрасился.

«Свежее», – подумал Комаров и поднял голову.

Прямо перед ним, как пролом в плотной пшеничной стене, темнел узкий проход со сломанными, раздвинутыми в обе стороны колосьями. Присмотревшись, Комаров теперь заметил на поверхности пшеничного моря извилистую темнеющую полосу, уходящую далеко на юго-восток.

– Так... Понятно... Ломать пшеницу?! Никто другой не позволил бы себе этого. И так, на Николаев?... – пробормотал Комаров и, зачем-то оглядев себя, почистил один рукав, потом другой, одернул куртку и решительно направился к пробитому в пшенице следу.

Через два шага он почувствовал себя словно затерянным в густом подводном лесу. Как будто плывя в море колючей воды, Комаров обеими руками раздвигал перед собой зыбкую щетинистую массу колосьев, тяжелых, словно маленькие початки кукурузы; колосья кололи глаза, уши, ноздри. Путь был тяжел и мучителен. Пыль забиралась в нос и рот, в горле першило, солнце, поднимаясь все выше, припекало обнаженную бритую голову, ноги путались в густой массе стеблей.

Но Комаров шел по следу, не думая об отдыхе, зорко всматриваясь в сетку стеблей.

Его занимал вопрос, на сколько времени Кардан опередил его. Может быть, он упал счастливее и тотчас же двинулся в путь? Тогда, значит, он впереди часа на четыре. Это слишком много... Но нет... Кровь была еще довольно свежа... Значит, можно думать, он вошел в пшеницу всего лишь часа на два раньше. Кроме того, дорожку эту он первый прокладывал, ему и трудней пришлось. Тогда дело обстоит не так уж плохо.

И, стиснув зубы, Комаров раздвигал брассом,⁷ как пловец, пшеничное море. Вверху звенели жаворонки, купаясь в синеве ясного неба. Солнце жгло голову все сильнее. Было душно и жарко. Ломило руки, спину, шею. Еще болела грудь от удара при падении. Перед глазами все чаще возникало и дрожало сетчатое огненное марево. Во рту горело, хотелось пить. Пшеничное море представлялось бесконечным. Казалось, вся жизнь прошла и пройдет в этом шелесте колосьев, в однообразном и мучительном движении рук – вперед, в стороны, опять вперед, опять в стороны...

И вдруг после одного из взмахов, как за распахнувшимся занавесом, прямо перед уставшими глазами открылся необъятный светлый мир. Пшеничное поле кончилось.

Далеко на юг, почти до горизонта, простиралось пустынное желтое жнивье. Но, посмотрев направо, Комаров увидел вдали процессию огромных машин, неуклюжих, как стадо первобытных мастодонтов. Одна за другой, уступами, они приближались к нему вдоль стены несжатой пшеницы. Это были электрокомбайны, убиравшие урожай.

Вытирая платком лицо и голову, Комаров поспешил к передней машине. Он увидел перед собой тихо гудевшее двухэтажное сооружение на низких толстых колесах, блиставшее медью, пластмассой и стеклосталью. За комбайном тащилась огромная платформа с высокими бортами, нагруженная рядами квадратных соломенно-желтых плиток-брикетов. Из комбайна тянулся длинный открытый желоб, двигавшийся над платформой. По желобу безостановочно шел поток брикетов и укладывался в ряды. Справа от комбайна горизонтально вертелись длинные крылья, наклонявшие стебли пшеницы к ножевому аппарату, от которого подрезанные стебли по ленте конвейера шли к машине и исчезали в ней.

⁷ Брасс – стиль плавания, при котором руки выбрасываются одновременно вперед и раздвигаются в обе стороны

Когда-то комбайн обрабатывал урожай только до момента получения чистого зерна и снопов соломы. Теперь эта машина, постепенно усложняясь и совершенствуясь, превратилась в комбайн-мельницу и фабрику брикетированной соломы. Пройдя через различные агрегаты комбайна, зерно превращалось в чистейшую муку и отруби, а солома размельчалась и прессовалась в маленькие брикеты, которые потом отправлялись как сырье на бумажные или химические фабрики.

За широким стеклянным окном в передней части комбайна Комаров увидел молодое лицо, изумленно глядевшее на него. Комаров поднял руку. Машина остановилась, из открывшейся сбоку дверцы показался человек и спустился по лесенке наземь. На нем были широкополая шляпа, белоснежный комбинезон из тонкой легкой материи, на ногах белые легкие туфли, на загорелом лице сверкали живые, полные любопытства глаза. Молодой человек быстро направился к Комарову, приветливо улыбаясь и протягивая руку:

– Здравствуйте, товарищ! Чем могу вам быть полезным? Вы, видно, устали? Не хотите ли зайти ко мне в рубку? Там прохладно, можно отдохнуть и освежиться... Молодой человек говорил торопливо и внимательно оглядывал Комарова. Очевидно, комбайнера разбирало любопытство.

Комаров поднял воспаленные глаза и хрипло сказал:

– Благодарю... Но прежде всего... Вы не заметили, кто-нибудь до меня выходил сюда из пшеничного поля?

– Ну, конечно! – живо ответил комбайнер. – Это-то меня и поразило. Вы второй человек, вышедший из пшеницы. И как раз в том же месте. Очевидно, вы шли по следам первого, и потому, надеюсь, поле не очень пострадало... Спутанные и надломленные стебли наши машины не очень любят.

– Знаю... – коротко прервал молодого человека Комаров. – Простите... Но где он, этот человек?

– Так ведь я же сам отвез его в совхоз! – воскликнул комбайнер и с беспокойством оглянулся. – Но зайдемте в рубку и продолжим беседу там. Задняя машина нагоняет меня, и мы ее задерживаем. Может получиться неприятность.

В рубке комбайнера, узкой и длинной, было удобно и прохладно. На передней стенке расположились вокруг смотрового окна щиты телеуправления всеми комбайнами этой группы, контрольные приборы, красные и зеленые лампочки сигнализации, приборы автоматического шофера, экран телевизифона. Против двери у окна стояли столик, два легких стула; вдоль задней стенки – узкая кушетка, над ней – полочка с книгами, в углу – небольшой шкаф-холодильник. На столе была приготовлена закуска из мясных и овощных блюд, вскрытая коробка с концентрированным бульоном, фрукты, графин с прохладительным напитком. Комбайнер, очевидно, готовился завтракать.

– Садитесь за стол, – радушно предложил молодой человек, пропуская гостя в кабину. – Подкрепитесь. Завтрак скромный, но сытный. Я пущу машину и тотчас присоединюсь к вам.

Комаров тяжело опустился на один из стульев у стола и с наслаждением выпил один, потом другой стакан приятного напитка из графина.

– Вы могли и не поднимать руки перед машиной, – продолжал словоохотливый комбайнер, усаживаясь в свое кресло перед смотровым окном и запуская машину. – Автоматический шофер все равно остановил бы ее перед вами.

– Он снабжен инфракрасным сторожем? – спросил Комаров, жадно принимаясь за бутерброды.

– Нет, простым фотоэлементом. Этот аппарат нащупывает за двадцать пять метров впереди любое препятствие выше тридцати сантиметров над землей. Сначала он предупреждает об этом водителя звонком, а если тот спит или отлучился, то сам останавливает комбайн. Такой

же фотоэлемент удерживает машину на краю пшеничного поля и не позволяет ей уклоняться в сторону.

Машина тихо, чуть покачиваясь, шла вперед. Позади, за стеной рубки, мягко гудели моторы. Внутренние агрегаты возобновили, прерванную работу, а снаружи за боковым окном завертелись узкие длинные крылья мотовила, пригибая к ножам хедера⁸ сильные стебли пшеницы.

Молодой комбайнер оставил свое кресло и перешел к столу.

– Как вы все-таки попали сюда, товарищ? – спросил он наконец, не умея сдержать свое любопытство. – Зачем вы ломились через поле, когда в пяти километрах отсюда есть прекрасная дорога?

Комаров молча доел второй бутерброд и выпил лимонаду.

– Мне очень жаль, мой друг, – сказал он наконец, – что я не могу ответить вам на этот вполне законный вопрос. Наоборот, я хотел бы сам кое-что узнать от вас. Не можете ли вы мне описать наружность человека, который встретился вам до меня?

Молодой человек смутился, слегка покраснел.

– Пожалуйста... Простите, если мой вопрос показался вам нескромным... Что касается человека, то это был коренастый, широкоплечий мужчина, смуглый, с густыми черными усами и такими же черными волосами. Ладонь его правой руки была перевязана носовым платком, сквозь платок проступала кровь. Человек шел прихрамывая. Он объяснил мне, что его ушибло на работе по ремонту железнодорожного пути, что его хотели отправить в Вознесенск, но он пожелал, поскольку уже работать не придется, побывать у своей семьи в Николаеве. Так как все машины с их участка оказались в разгоне, то он надеялся, что доберется как-нибудь на попутной машине до цели. Бункера моего комбайна были уже полны мукой, и мне нужно было отправиться в совхоз, чтобы сдать продукцию. Я и предложил этому человеку свои услуги.

Комаров внимательно слушал.

– Еще вопрос, товарищ. На каком языке вы разговаривали с этим человеком?

Комбайнер с удивлением посмотрел на Комарова.

– То есть как это на каком языке? Разумеется, по-русски...

Довольная улыбка появилась на лице Комарова.

– Да, да... разумеется, по-русски... Ну, конечно, по-русски! – И, сразу согнав улыбку, он продолжал: – Акцента никакого не заметили?

– Нет, – ответил комбайнер. – Никакого.

– Отлично! Великолепно! – с посветлевшими глазами говорил Комаров. – Очень вам благодарен, товарищ. Это как раз то, что мне нужно было знать. Где вы ссадили этого человека?

– В совхозе. Там ему обещали с первой же машиной – электромобилем или геликоптером⁹ – доставить его в город.

Комаров насторожился.

– О дальнейшем вам ничего не известно?

– Нет. Я быстро выгрузился и вернулся в поле.

– У вас, кажется, постоянная связь с совхозом. Я вижу в углу аппарат телефизфона. Нельзя ли вызвать на экран кого-нибудь из совхоза?

Через несколько минут Комаров узнал, что незнакомец, доставленный в совхоз молодым комбайнером, пятнадцать минут назад в грузовом электромобиле отправлен в город, что задержать эту машину невозможно вследствие порчи ее телефизфонной установки, что все

⁸ Хедер – жатвенный аппарат комбайна.

⁹ Геликоптер – летательный аппарат, снабженный пропеллером на вертикальной оси. Геликоптер может подниматься и садиться по вертикали, не требуя взлетной и посадочной площадки. В отличие от обычного самолета, геликоптер может неподвижно висеть в воздухе над одним и тем же местом, а в городах – перелетать с крыши одного дома на крышу другого и производить посадку прямо на улицу.

легковые машины совхоза сейчас в разгоне и первая вернется лишь минут через двадцать, а до Николаева от совхоза всего около ста километров.

Экран померк. Комаров недовольно потер колючий подбородок.

– Когда вы предполагаете отправиться в совхоз? – спросил он.

Комбайнер посмотрел на контрольный прибор, показывающий количество муки в бункерах, потом на пшеничное поле.

– Минут через двадцать. Дойдем до дороги, к этому времени моя полоса кончится и бункера заполнятся.

– А сколько езды до совхоза?

– С полчасца.

– Ничего не поделаешь, товарищ. Придется немедленно отправиться туда.

Молодой комбайнер с недоумением посмотрел на своего самоуверенного и требовательного гостя.

– Простите... Не понимаю... С чего это вдруг? Работа не кончена и... и это внесет беспорядок в работу всей колонны... Я нарушу строй и график.

После минутного колебания Комаров сказал:

– Сознаю, мой друг, и очень прошу извинить меня за бесцеремонность. Но... этого требуют интересы государственной безопасности.

Комаров отогнул обшлаг. Под ним золотисто сверкнул значок.

В первый момент комбайнер казался ошеломленным, затем покраснел от радости: впервые в жизни ему выпала такая редкая удача – принять непосредственное участие в деле государственной важности.

Он засуетился, бросился к щиту управления.

– Сию минуту, товарищ... товарищ?.. – и, не дождавшись ответа на свой робкий вопрос, продолжал: – Только вызову сюда помощника, передам ему колонну... Ей надо перестроиться.

Через несколько минут огромный комбайн, тяжело покачиваясь на низких колесах и набирая скорость, понесся по жнивью вдоль высоких, нетронутых зарослей пшеницы.

Глава пятая

Неожиданная встреча

Недалеко от совхоза Комаров вышел из рубки комбайна, сел на скамью в придорожной аллее и, вынув из кармана аппарат, послал в эфир свой пароль. Несколько минут он поговорил с кем-то; в это время подошел легковой электромобиль, высланный ему навстречу директором совхоза.

Быстро понесся электромобиль по шероховатой дороге. Позади остались пшеничные поля с медленно бредущими по ним комбайнами. Сначала тянулось словно остриженное под машинку плоское жнивье, затем пошли бахчи. Здесь работали странные машины с длинными металлическими когтистыми лапами. Лапы поочередно опускались, поднимали с земли огромный тяжелый шар, подрезав стебель, поворачивались и осторожно клали арбуз в тащившуюся позади машины тележку. За бахчами начались сады.

– Скоро аэродром, – сказал водитель, оборачиваясь к Комарову, – а там и город. Вы куда хотели бы подъехать?

– Сначала к аэродрому. Возле него нас встретят.

Действительно, не успела вдаль показаться белая вышка аэровокзала, как из придорожной аллеи показался легкий электроцикл. Седок поднял руку, электромобиль замедлил ход, и обе машины пошли рядом. Комаров высунул голову из окна и вопросительно посмотрел на электроциклиста.

– Номер? – спросил тот.

– Двести восемьдесят шесть, – ответил Комаров.

– Грузовая машина совхоза пришла в город пустая, – доложил человек. – Пассажир высадился за километр до аэродрома, у входа в последний сад. Через некоторое время на аэродроме появился субъект, интересующий вас. Приметы сходятся.

– Где он сейчас?

– Записался на рейсовый самолет Николаев – Воронеж – Куйбышев – Свердловск и пошел в ресторан аэровокзала. Машина улетает в четырнадцать десять... через несколько минут.

– Я успею? – быстро спросил Комаров.

Человек пожал плечами:

– Сомневаюсь, товарищ...

– Гоните! – крикнул Комаров, обернувшись к водителю. – Вовсю! К аэровокзалу!

Электромобиль, словно подскочив и сорвавшись с места, стремглав ринулся вперед. Ветер пронзительно засвистал в ушах Комарова. Электроцикл не отставал от машины.

– Наблюдение ведется? – крикнул Комаров, перекрывая свист ветра и гудение моторов.

Человек утвердительно кивнул головой.

Комаров посмотрел на часы. Оставалось только три минуты до отлета.

Комаров понял, что может опоздать и надолго, а то и совсем потерять Кардана из виду. На мгновение ему показалось, что все пропало. Холодная, медленно нарастающая ярость охватила его. Что может произойти, если подозрения относительно этого человека правильны? Диверсия! Катастрофа! Гибель людей! И как он, Комаров, будет смотреть в глаза заместителю министра государственной безопасности? Как он доложит ему о своей неудаче, о том, что буквально из рук выпустил этого человека? Он заскрипел зубами и тут же отчаянным усилием воли подавил свое волнение.

Прежде всего не хныкать, не безумствовать, а действовать.

Вернуть с пути вертолет, послав ему приказ по радио? Зачем? Чтобы принять опоздавшего пассажира? Глупо! Лишь обратить на себя внимание Кардана... Не годится!

Догонять на другом аппарате? Найдется ли он на аэродроме? А если найдется, пока подготавлишь к взлету... и его скорость неизвестна... Не годится!

Дать радиоприказ в Воронеж, Куйбышев, Свердловск, чтобы встретили там Кардана, установили наблюдение за ним? Но Кардан может «по требованию» спуститься где-нибудь в пути с парашютом – обычное явление на воздушных трассах Советского Союза. Ищи потом следы! Не годится! Не годится!

Что же делать?

Электромобиль уже мчался по въездной аллее аэродрома. Она была, к счастью, пуста. Машины неслись к видневшемуся вдали высокому белому зданию... Справа сквозь деревья видна была широкая ровная площадка – взлетное поле аэродрома.

У перрона стоял готовый к отлету огромный вертолет, опираясь, как на единственную ногу, на высокий, в два человеческих роста, пружинный амортизатор в виде тумбы с расширяющимся основанием.

Кашалотообразный фюзеляж вертолета сверкал на солнце широкими окнами кабин. Как круглый рыбий хвост, поставленный на ребро, высоко в воздухе висел широкий руль горизонтальных поворотов. Впереди из-за фюзеляжа выглядывали отливавшие серебром концы лопастей металлического пропеллера. Над фюзеляжем, все убыстряя вращение длинных лопастей, ревел гигантский горизонтальный ротор.¹⁰

Все двери и окна вертолета были уже герметически закрыты, провожающие стояли на перроне, махая платками и шляпами. Мощный «Дедал» готовился к прыжку в высокое, бледное от жары небо.

Держась за ручку дверцы, Комаров сидел, стиснув зубы, готовый к прыжку из машины.

Его нервы напряглись до крайности, до озноба.

И вдруг, неожиданно для самого себя, он крикнул водителю:

– К вертолету! Слева к ноге!

Он с усилием раскрыв против ветра дверцу кабины.

Электромобиль, как метеор, врезался в смерч, поднявшийся вокруг вертолета, и, вскинув от внезапного торможения задние колеса, с пронзительным визгом остановился у амортизатора. Комаров стремительно выпрыгнул из еще не остановившейся машины.

В следующее мгновение вертолет сделал гигантский скачок в воздух и высоко взвился над землей.

Зрители на площадке аэродрома дружно вскрикнули. Толпа заволновалась.

Среди ажурного сплетения прутьев амортизатора все ясно увидели крошечную фигурку человека, уверенно взбиравшегося вверх, под брюхо фюзеляжа. Вертолет быстро уходил ввысь, затем лег на курс и скоро исчез в вышине.

Сопровождавший Комарова электроциклист бросился в радиорубку аэровокзала...

* * *

Уже в воздухе, сжав зубы, легким усилием тренированного тела Комаров подтянулся вверх и через минуту, перебирая руками прутья, очутился в ажурном колоколе амортизатора, под днищем фюзеляжа.¹¹

«Дедал» был уже на высоте около двух тысяч метров и с тихим урчаньем несся на северо-восток, когда из-под брюха фюзеляжа опустилась вниз суставчатая пластмассовая оболочка амортизатора и закрыла его со всех сторон, придав ему обтекаемую форму.

¹⁰ Ротор – вращающаяся часть машины; в вертолетах – приспособление, вращающее пропеллер на вертикальной оси.

¹¹ Фюзеляж – корпус самолета, внутри которого размещаются пассажиры, экипаж и грузы.

Внутри стало совсем темно. Опираясь ногами на прутья и крепко держась за них руками, Комаров облегченно вздохнул: от ураганного ветра, холодного и режущего, уже начало зябнуть все тело, болеть кожа на лице и руках.

Держась одной рукой, Комаров быстро расстегнул свой кожаный пояс и после некоторых усилий надежно прикрепил себя к одному из прутьев. Руки теперь были свободны. Комаров достал микрорадио и стал быстро настраивать его на нужную волну. Надо было торопиться: «Дедал» быстро выйдет из двухсоткилометровой зоны действия радиоаппарата.

Комаров отыскал волну Николаева, местного управления государственной безопасности.

– «Индеец»... «Индеец»... – понеслось в эфир. – Двести восемьдесят шесть... Двести восемьдесят шесть... Да, да... Комаров... Кто у аппарата? Включите диктофон и слушайте. Говорю из амортизатора пассажирского вертолета «Дедал» Николаев – Свердловск. Немедленно прикажите командиру «Дедала» строго секретно принять меня на борт машины. Без шума и лишних разговоров... Что? Волна «Дедала» мне неизвестна... Что? Нет. Лучше сами сообщите ему. Стучать в люк не хочу... Поспешите... Очень холодно... Трудно дышать... Все.

Очевидно, вертолет поднимался все выше, и температура в амортизаторе быстро и резко опускалась, холод все сильнее пронизывал. Руки и ноги коченели, мучительно трудно было положить радиоаппарат обратно в карман. Кровь молотом стучала в висках, голова кружилась, подступала тошнота и не хватало воздуха. Комаров ловил его судорожными глотками.

«Дедал» был уже, вероятно, на высоте семи-восьми тысяч метров.

Минуты казались часами. Медленно текли мысли. Почему медлят на «Дедале»? Неужели еще не получили приказа? Недолго и замерзнуть... Не постучать ли в люк?

Сказывалась все сильнее усталость – результат напряженного дня и пониженного атмосферного давления на высоте. Руки не держали, подгибались немеющие ноги. Тело начинало свисать на поясе. Мысль угасала. Далекое и тихое гудение винта превратилось в рев, заполняло и разрывало голову.

Надо стучать... Обессилеешь совсем... Все пропадет.

От невероятного напряжения воли закружилась голова. Что-то теплое упало на руку. Кровь... из носа... Еще... все чаще...

Из последних сил Комаров оторвал от прута тяжелую, словно налитую чугуном, руку и вскинул ее к люку над головой.

Рука очутилась в пустоте и осталась там, крепко схваченная чьими-то теплыми дружескими руками. Комаров слабо встрепенулся. Как будто сквозь сон он увидел падающую мимо него гибкую металлическую лестницу, быстро спускающихся по ней двух человек в электрифицированных комбинезонах и кислородных масках. Ловкие пальцы молниеносно расстегнули пояс. Еще мгновение, и, подтянутый кверху сильными руками, Комаров очутился в небольшой кабине.

Лежа на кушетке, вдыхая теплый, обогащенный кислородом воздух, в блаженной дремоте, он отдавался заботливым рукам, раздевавшим его, массиравшим окоченевшее тело, подносившим укрепляющее питье.

Первым его вопросом было:

– До Воронежа близко?

– До Воронежа? – послышался ответный недоумевающий вопрос. – Да ведь мы еще только в ста километрах от Николаева!

С радостным удивлением Комаров посмотрел на своего собеседника. Тот добродушно улыбался.

Очевидно, он правду говорит. Значит, прошло всего лишь десять-пятнадцать минут с момента отлета. А казалось, будто вечность... Комаров усмехнулся и покачал головой.

Ел он с жадностью и после еды сразу почувствовал себя крепче. За едой поговорил с вошедшим в кабину командиром воздушного корабля, условился, что о каждом требовании высадки с парашютом тот его предупредит.

Короткий сон окончательно восстановил силы Комарова. В салон он вошел чисто выбритый, бодрый, спокойный, как всегда, с наслаждением потирая гладкий подбородок. Его появление среди пассажиров корабля не привлекло ничьего внимания.

Кардан с перевязанной ладонью, с газетой на коленях дремал в покойном, глубоком кресле у широкого окна.

У Комарова едва заметно шевельнулись брови. Ему сразу бросилось в глаза нерусское название газеты.

* * *

В Воронеже вертолет опустился на центральный аэродром в шестнадцать часов. Через несколько минут он вновь поднялся, оставив в городе Кардана и Комарова.

Победив в ресторане аэровокзала, Кардан долго ходил по улицам, словно знакомясь с городом.

Сумерки начали сгущаться, когда Кардан свернул в тихую, обсаженную кустами и деревьями улицу Коммунаров и дошел до парка Электриков. Перед последним домом с высоким арочным подъездом он прошелся взад и вперед и, словно убедившись в окружающем спокойствии, решительными шагами вошел в ярко освещенный подъезд.

Укрывшись за густым кустом жасмина, Комаров видел сквозь стекло наружной двери, как Кардан начал подниматься по лестнице. Подождав немного, Комаров вынул из кармана свой аппарат микрорадио и тихо, почти шепотом, поговорил с кем-то.

Минут десять он оставался на своем посту, не сводя глаз с ярко освещенного подъезда. Кругом было тихо и безлюдно. Лишь с улицы Октябрьской революции катился непрерывный гул, говор и шум толпы, глухие сигнальные вскрики электромобилей и электроциклов.

Со стороны парка доносились обрывки мелодий «Пер Гюнта»,¹² порой заглушаемые звонкими голосами и взрывами смеха.

Внезапно из тени деревьев возник человек и приблизился к Комарову. Они тихо поговорили несколько минут, и человек снова исчез в темноте.

Комаров продолжал наблюдать за подъездом.

Через четверть часа человек вернулся.

– Посты расставлены, товарищ майор, – тихо доложил он Комарову. – В дворовом саду – ангар с двумя спортивными вертолетами типа «Икар». На втором этаже живет лаборант завода концентрированных продуктов питания Заммель. Один из вертолетов принадлежит ему.

– Вот как... – задумчиво произнес Комаров. – Его номер? Отличительные признаки?

– Номер «МФ 26-140». Красный фюзеляж с косыми синими полосами.

– Отлично, товарищ лейтенант! Приметы приезжего я уже вам сказал. Через пятнадцать минут пришлю вам увеличенные снимки моего микрофото, которые я успел сделать в дороге. Раздадите их по постам. Я буду в управлении. Держите со мной связь, каждый час радируйте. При вылете машины или подготовке вылета сообщите немедленно.

– Слушаю, товарищ майор!

Четыре дня Кардан безвыходно находился в квартире Заммеля, никуда не показываясь. Лишь два раза постовым удалось заметить его профиль в окне, выходящем во двор.

¹² «Пер Гюнт» – сюита норвежского композитора Грига.

Поздним вечером четвертого дня Комаров наконец получил сообщение, что красный вертолет выведен из ангара и что его готовят к отлету. Еще через пять минут последовало сообщение, что в машину вошли Заммель и Кардан. Через минуту вертолет взвился в воздух, покружил над городом и лег на курс северо-запад.

Комаров в своем вертолете с погашенными огнями устремился за ним. Город, словно огненное озеро, быстро промелькнул под машиной.

Ночь была безлунная, темная, хотя и звездная. Лишь с помощью инфракрасного ночного бинокля удавалось не терять из виду машину Кардана, держась позади нее на достаточном расстоянии.

Через час быстрого полета, когда белесоватое световое пятно Тулы проплыло далеко слева, Комаров, не отрывая бинокля от глаз, сказал пилоту:

– На Москву летим...

– Точно! – согласился пилот. – Скоро покажется и Москва.

Вскоре впереди на горизонте показалось светлое, чуть мерцающее облако. Облако светлело, разрасталось, заполняя четверть черного неба. На фоне этого жемчужного занавеса машина Кардана была отлично видна. Еще несколько минут – и вдали открылось спокойно горящее море добела раскаленной, расплавленной лавы.

– Москва! – сказал пилот.

Вертолет Кардана начал вдруг быстро снижаться, замедляя ход. Пилот Комарова последовал за ним. Залитая светом Москва опять скрылась, оставив на высоте мерцающий туман.

Машина Кардана опустилась еще ниже и начала медленно кружить в воздухе, словно ища удобного места для посадки. Комаров поднялся над ней повыше, наблюдая за ее маневрами. Внизу под машинами вдруг вспыхнул огромный правильный треугольник из зеленых световых полос. Машина Кардана тотчас же подлетела, остановилась в воздухе прямо над зеленым треугольником и медленно пошла на посадку.

Вертолет Комарова отлетел на сто метров в сторону и ринулся вниз на хорошо заметную в ночной бинокль свободную ленту какой-то улицы. Слабое гудение мотора тонуло в гудении машины Кардана. И тут и там шум смолк почти одновременно. Очевидно, оба аппарата приземлились в один и тот же момент.

Легкий упругий удар, тишина: посадка была совершена вполне благополучно.

– Подождите меня здесь, – шепотом сказал Комаров пилоту, выходя из кабины. – Пойду на разведку.

Тьма окружила его. Комаров посмотрел на светящийся циферблат своих часов. Было уже поздно: третий час. Вдали сверкал ночной фонарь. Смутно виднелись сквозь черноту ночи густые массы деревьев, силуэты темных домов.

Комаров определил, где должен был быть световой треугольник, тихо перешел улицу и в густой тени деревьев осторожно пошел в намеченном направлении. Дойдя до угла, он после небольшого колебания повернул направо и, неслышно ступая, пошел вдоль забора под нависшими ветвями. Через каждые пять шагов останавливался и, затаив дыхание, вслушивался и всматривался в тьму, напрягая почти до боли глаза. Он долго шел, повернул на другую улицу, потом обратно – медленно, осторожно. Где-то здесь, по той стороне улицы, должно было находиться небольшое здание, похожее на коттедж, с четырьмя стрельчатыми башенками – по одной на каждом углу. Он его хорошо запомнил, разглядев в бинокль. Но ничего похожего на башенки не было видно, хотя в поисках прошло уже около получаса. Как назло, он забыл взять с собой бинокль. Не вернуться ли за ним?

«Ладно, – подумал с досадой на себя Комаров. – Пройду еще немного... Не найду – вернусь к аппарату за биноклем».

Вдруг легкий шорох заставил его окаменеть на месте. Как будто что-то живое метнулось в сторону, к забору. Комаров вслушивался, не шевелясь, не дыша. Прошли томительные минуты звенящей тишины. Кажется, померещилось... Не иначе как померещилось.

Комаров осторожно, на носках, двинулся вперед. Проклятый песок: нет-нет да зашуршит! Ни зги не видать... Еще напорешься на что-нибудь...

Едва он протянул вперед руку, как рядом кто-то шумно вздохнул, мелькнула тень, кто-то цепко схватил руку Комарова и больно завернул ее за спину.

От неожиданности Комаров издал приглушенный стон, но свободная рука почти автоматически, как стальной рычаг, стремительно рванулась, схватила врага, вскинула в воздух и бросила оземь.

В следующее мгновение Комаров уже всей тяжестью навалился на кого-то и придавил его к земле, прерывисто бормоча сквозь зубы:

– Молод... глуп... не сеял круп...

И вдруг послышался слабый, придушенный стон, страдальческий и радостный:

– Комаров!

И сразу обмякли напряженные мускулы, от радости на мгновение закружилась голова, перехватило дыхание.

– Хинский!..

Глава шестая

Несколько лет назад

Лето в тот год было жаркое, душное. Бледно-синее, без единого облачка небо таяло в вышине. Полуденное солнце жгло немилосердно.

Лавров вышел на набережную. Сразу повеяло прохладой. Очутившись в густой платановой аллее, Лавров облегченно вздохнул и снял белый берет.

Здесь было немногочисленно, несмотря на праздничный день. Лавров шел быстро, рассеянно поглядывая на противоположную сторону реки, на взбегающие над ней вдаль смелые арки легких мостов. За рекой виднелись высокие здания, похожие на дворцы, украшенные колоннами, балконами, скульптурами в нишах. Как всегда летом в праздничные дни, полноводная река была усеяна судами. С белоснежных яхт, шлюпок, катеров, расцветенных флагами, переполненных людьми, неслась музыка. Изредка, низко гудя, медленно и осторожно проплывал большой волжский электроход.¹³

Не менее оживленно было в воздухе. Над рекой и городом реяли ярко раскрашенные аэромобили,¹⁴ похожие на жучков с короткими выдвижными крылышками, вертолеты с узкими стрекозиными или трехэтажными башенными туловищами, орнитоптеры¹⁵ с птичьими крыльями.

Лавров словно не замечал всей этой праздничной картины.

За густой оградой из кустарников, окаймлявшей аллею, возникло огромное здание. На его открытых террасах и балконах, увитых зеленью, звенели детские голоса, мелькали цветные женские платья. Посредине фасада здание полукругом отступало вглубь. Перед центральным входом пестрели цветники, зеленели газоны, высокие говорливые фонтаны разбрасывали сверкающую жемчужную пыль. В глубине полукружия за рядом строгих колонн открывался обширный вестибюль, похожий на уголок густого сада.

По тихо шелестящему эскалатору¹⁶ Лавров поднялся на площадку перед высокой резной дверью с табличкой: «Ирина Васильевна Денисова, инженер». На высоте человеческого роста в обеих половинках двери мягко отсвечивали два больших серебристых овала. Один из овалов отразил, словно матовое зеркало, лицо Лаврова – молодое, худощавое, с тонким носом и маленькими, тщательно подстриженными черными усиками. Под высоким лбом, чуть сжатым в висках, светились, то прячась в длинных ресницах, то вспыхивая глубоким внутренним светом, синие задумчивые глаза.

Он с минуту постоял неподвижно перед дверью, потом овал повернулся в своем гнезде, и дверь бесшумно открылась.

Лавров вошел в высокую переднюю, и дверь, щелкнув, сама захлопнулась за ним.

Послышались легкие шаги.

– Сережа! Голубчик! Как это мило, что вы вспомнили обо мне! Я уже начала скучать по вас и собиралась звонить...

¹³ Электроход – речной или морской корабль, приводимый в движение электромоторами, питаемыми мощными электрическими аккумуляторами.

¹⁴ Аэромобиль – небольшой одноместный или двухместный экипаж, приводимый в движение электромоторами; приспособлен для передвижения по суше, по воде и в воздухе.

¹⁵ Орнитоптер – летательный аппарат с машущим крылом, основанный на принципе полета птиц. Держится в воздухе, как планер, восходящими токами воздуха. Приводится в движение небольшими моторами. Опытные орнитоптеры рассчитаны на приведение в движение силами самого летчика.

¹⁶ Эскалатор – самодвижущаяся лестница.

Перед Лавровым стояла девушка с двумя тяжелыми русыми косами. Большие серые, чуть выпуклые глаза девушки сияли, точно льдинки, и все ее свежее, с нежным румянцем лицо казалось сейчас только умытым холодной, ключевой водой.

– Здравствуйте, Ирина... Здравствуйте... Поздравляю вас с вашей первой годовщиной...

– Спасибо, Сережа. Это очень, очень радостный для меня день! Первая годовщина на первом заводе...

– Ну кто же у нас не радуется такому дню! Я уже давно к вам собирался.

– Слишком долго вы собирались, – смеялась девушка. – Идемте!

Она провела его через гостиную в соседнюю маленькую комнату, уставленную мягкой мебелью. Окна были наглухо закрыты, но воздух, подаваемый из установки кондиционирования, был чист и свеж, с легким ароматом сосновой хвои.

– Я все не мог собраться, – говорил Лавров усаживаясь. – Я очень хотел видеть вас, но мне хотелось также и рассказать вам кое-что...

Он внезапно умолк, словно не решаясь продолжать.

Девушка сидела на широком диване, забравшись в уголок и уютно поджав под себя ноги.

– Ну, рассказывайте же, – сказала она, шаря в карманах, и добавила: – Ах, какая жалость! Ни одной конфетки!

Отбросив тяжелые косы на спину, она вскочила с дивана, выбежала из комнаты и быстро вернулась, неся горсть конфет в пестрых прозрачных обертках.

– Вот, полакомьтесь, легче будет рассказывать. Ну, я слушаю!

Посасывая конфету, она устраивалась на диване. Лавров задумчиво сворачивал и разворачивал хрустящую конфетную бумажку.

– Я долго не мог решиться, Ирина, – начал он. – Но это захватило меня. И чем дальше, тем больше. Иногда я приходил в отчаяние, иногда такая радость охватывала меня, что все казалось легким, возможным. Ах, Ирина, милая, если бы вы только поняли меня!

Лавров вскочил с места и взволнованно зашагал взад и вперед по комнате.

Ирина слушала его с опущенными глазами.

– Говорите, Сережа, ведь я всегда понимала вас, – прошептала она.

– Ира! – воскликнул Лавров, останавливаясь перед ней с конфетой в поднятой руке. – Эта идея грандиозна! На первых порах она может показаться невыполнимой, но, подумав, вы согласитесь, что нам это сейчас под силу, что теперь настало время и для таких грандиозных проектов...

Румянец медленно таял на лице Ирины, ее ровные тонкие брови поднимались все выше, и наконец широко раскрытые серые глаза недоумевающе взглянули на раскрасневшегося Лаврова.

– Какая идея? – растерянно спросила она. – Какие проекты?

– Послушайте, Ира, – говорил Лавров. – Вам и Николаю первым я хочу рассказать о том, над чем я уже целый год думаю и работаю. И первая из первых – это вы, Ирочка...

– Ну, говорите, Сергей, не томите, – сказала Ирина, встряхнув головой, словно отгоняя от себя какие-то свои, другие мысли.

– Вы – металлург и машиностроитель, Ирина, – начал Лавров, – я студент-гидрогеолог, еще совсем молодой научный работник. Но мы можем мыслить одинаково научно и притом свободно. Мы не скованы традициями, известной косностью, привычками, которые бывают присущи иногда даже большим ученым. Молодость, не отягощенная еще грузом традиций, укоренившихся привычек, способна иногда к таким скачкам по лестнице культуры...

Тихий, мелодичный звон прервал Лаврова. Звон доносился из черного лакированного ящика с разноцветными головками регуляторов и матово-серебристым овальным экраном.

– Смотрите, Сережа, – тихо сказала Ирина, показывая на экран. – Николай!

На экране виднелась круглая бритая голова Николая Березина, его скуластое веснушчатое лицо. На коротком вздернутом носу сидели большие роговые очки. У широких плеч виднелась верхушка букета из больших ярких цветов.

– Я совсем забыла, Сережа, – быстро говорила Ирина. – Николай вчера еще спрашивал меня, буду ли я сегодня дома... Он собирался прийти поздравить меня. – Виногато взглянув на Лаврова, она добавила: – Я же не знала, что вы придете, Сережа. Ну, как быть? Он не помешает?

Лавров с видимым неудовольствием кивнул ей.

Ирина подбежала к телевизору, повернула регулятор и торопливо вышла. Из передней сейчас же послышались хлопанье закрывающейся двери, шаги и голоса – тихий, певучий Ирины и резкий, громкий Березина.

Лавров нетерпеливо поглядывал на дверь.

В комнату вошел Березин, потирая ладонью бритую голову. Лавров с улыбкой протянул руку товарищу:

– Здравствуй, Николай. Видно, сама судьба направила тебя сюда...

– Ага! Что-то неизбежное должно случиться... И ты уже здесь?!

– Почему «уже»? Я почти месяц не видел Ирины.

– Вот как! Поздравляю вас, дорогая, с радостным днем. Желаю вам много-много лет счастливого труда! – И, протягивая Ирине букет, Березин вдруг спросил: – А я не помешал вам?

– Нет, нет! Что вы, Николай! Спасибо, что вспомнили об этом дне моего второго рождения. Садитесь. Хотите конфет? Очень вкусные... мои самые любимые, – говорила Ирина, вставляя букет в высокую вазу.

– Для вас, сладенькая, все конфеты любимые, – говорил Березин, усаживаясь в кресло.

– И правда, – засмеялась Ирина, устраиваясь в своем уголке на диване. – Умирать буду – с собой возьму... Не хотите конфет – возьмите в стенном шкафу апельсины или груши.

– А! Апельсинчик в такую жару – не вредно.

На стене была нарисована большая картина: две девушки с букетами полевых цветов в руках. Березин нажал едва заметную кнопку посреди картины – девушки разошлись в разные стороны и скрылись в стене.

– Ого! – воскликнул Березин, вынимая из стенного шкафа огромный оранжевый шар. – Сергей, поможешь? Мне одному не справиться. Ну-с! – продолжал он, усаживаясь в кресле и снимая тонкую кожуру апельсина. – Рассказывай, Сергей, зачем, по-твоему, судьба привела меня сюда.

– Я думаю, ты не очень сопротивлялся ей, – со смехом заметил Лавров, но сейчас же сделался серьезным. – Я только что собирался рассказать Ирине о своей идее. Я хочу посоветоваться с вами – с Ириной и с тобой.

– Это становится интересным. Ну, ну, выкладывай, не стесняйся, – рассеянно говорил Березин, старательно очищая апельсин.

* * *

Странная дружба связывала этих двух молодых людей, так не похожих друг на друга.

Они познакомились лет пять назад, при нескольких необычных обстоятельствах. Однажды, проводя зимние каникулы в доме отдыха, Лавров в сумерки одиноко катался на коньках по льду отдаленного пруда. Вдруг он услышал слабые призывы о помощи. Лавров вихрем полетел в ту сторону, откуда раздавались крики, и вскоре заметил человека, барахтавшегося в воде, среди обломков льда. Лед в этом месте был тонкий, трещал и гнулся под коньками. Человек хватался за края льда, лед подламывался под его тяжестью, человек с головой уходил

в воду и через секунду, хрипя и захлебываясь, вновь показывался на поверхности. Лицо его уже совершенно посинело.

Никого вблизи не было, все конькобежцы уже ушли ужинать. Маленький, худощавый Лавров не растерялся. Подбадривая и успокаивая тонущего, он сорвал с себя пояс, лег на лед, подполз поближе к краю полыньи и, бросив конец ремня утопающему, осторожно вытащил его на крепкий лед.

Спасенный потерял сознание, и Лавров с трудом дотащил его до дома отдыха.

Этим, однако, дело не кончилось. Не приходя в сознание, Николай Березин заболел жестоким воспалением легких.

Давно уже известно, что чем больше мы делаем людям добра, тем больше мы к ним привязываемся, тем дороже они нам становятся.

Лавров сопровождал больного в больничном электромобиле в Москву. Он волновался, когда исход болезни еще не был известен, ежедневно справлялся о здоровье Березина; потом, когда больной стал поправляться, навещал его, приносил лакомства, книги и книфоны¹⁷ – словом, развлекал его как мог.

Товарищи по институту шутили, что Лавров выудил из пруда колючего ерша и стал его другом.

Николая Березина недаром прозвали ершом.

Большеголовый рыжий крепыш, с сильными квадратными плечами и короткими ногами, Николай Березин был любимцем профессоров и преподавателей, его ценили как очень способного, подающего большие надежды студента. Но товарищи не любили Березина за самоуверенность, горделивое самомнение, резкость, стремление быть всегда на виду и впереди.

У него не было настоящих друзей, и неожиданно возникшая дружба с Лавровым обрадовала Березина. Насколько мог, Николай старался в отношении своего нового друга быть осторожнее и мягче. Но странное чувство долго грызло его: он словно не мог простить Лаврову своего спасения. То, что он, Березин, оказался спасенным, а не спасителем, унижало его в собственных глазах и, как ему казалось, в глазах товарищей, хотя объяснялось очень просто. Березин еще с детства смертельно боялся воды, органически не выносил вида открытого водного пространства и не умел плавать. Из всех видов спорта он увлекался лишь тяжелой атлетикой и лыжами.

Друзья не разлучались. Разница в годах – три года – и то, что Лавров был на втором, а Березин на пятом курсе, не мешало им. У обоих не было в Москве родных, жили они в студенческом доме, и это еще более сближало их.

При встречах, во время бесконечных разговоров, они часто мечтали о будущем. Главным образом говорил о себе Березин. Он мечтал о научной деятельности, решив сделаться потамологом-гидрологом¹⁸ и посвятить себя изучению рек. Он особенно интересовался реками Советской Арктики и суб-Арктики. Он даже старался увлечь этой работой и Лаврова, горячо доказывая ему, что Великий Северный морской путь, пролежавший вдоль берегов Советской Арктики, с каждым годом будет играть все большую роль в жизни страны. Работая в этой области, говорил Березин, можно очень скоро оказаться на виду. Профессор Денисов, известный потамолог, преподающий у них в институте, уже несколько раз дружески говорил с Березиным, расспрашивал о его планах на будущее и советовал ему сосредоточиться на потамологии. Про-

¹⁷ К н и ф о н – свето-звуковой аппарат в виде небольшого ящика, в котором печатный текст превращается в звук, иллюстрацию, звуковое кино. Читатель может читать текст, а на откинутой крышке книфона, на небольшом экране, видеть кадры иллюстраций. В других книфонах книга в виде непрерывной визетонленты целиком переходит на экран, на котором демонстрируются и печатный текст ее и зрительно-звуковые сцены.

¹⁸ Потамология – учение о реках, составляет часть гидрологии. Гидрология – наука, изучающая водные ресурсы на земле и круговорот воды в природе.

фессор даже пригласил его к себе, показывал ему свою домашнюю лабораторию и намекал, что такой способный студент в будущем может превратиться в его помощника.

– А дочка у него, Сережа, прямо прелесть! – с восхищением говорил Березин, и его веснушчатое скуластое лицо и даже уши горели от воодушевления. – Ее зовут Ирина. Она учится в институте тяжелого машиностроения... Умница, веселая, красивая. Я тебе серьезно советую перейти на потамологию, Сережа. С таким человеком, как Денисов, работать интересно во всех отношениях. Побуду у него аспирантом, поеду на два-три месяца на какую-нибудь потамологическую станцию на Волге, потом диссертация...

– Постой, Коля, – недоумевающе спросил Лавров, – ведь ты хочешь сосредоточиться на Арктике, северных реках, почему же на Волгу? Тебе бы куда-нибудь на Яну или Индигирку.

– Ну вот еще! Охота забираться так далеко! В крайнем случае можно будет съездить на Иртыш или Обь, куда-нибудь поближе к Омску, Красноярску, к культурным центрам... Там видно будет.

Застенчивый и простодушный Лавров занимался своей любимой гидрогеологией¹⁹ и не строил грандиозных планов будущего. Хотя его что-то и корбило в мечтаниях Березина, он полностью, казалось, был под влиянием своего решительного и самолюбивого друга. Однако иногда Лавров, неожиданно для Березина, устраивал «бунт».

Однажды Лавров неудачно сдал зачет по астрофизике.²⁰ Березин предложил товарищу свою дружескую помощь: он в прекрасных отношениях с профессором Терентьевым, он уговорит профессора улучшить отметку и сам поможет Лаврову подготовить предмет на «отлично» к следующему зачету.

Прием, оказанный Лавровым этой дружеской услуге, изумил Березина; Лавров рассердился, покраснел и даже раскричался:

– Я сам исправлю отметку! Не нужна мне твоя протекция! И без того товарищи говорят, что ты слишком любишь эти «личные» отношения с профессорами!

И выбежал из комнаты.

Березин был глубоко обижен. Несколько дней он ждал Лаврова, но, не дождавшись, сам пошел к нему. Он много и горячо говорил о своей чистосердечности, о чувстве дружбы, которое он испытывает к Лаврову и которое побудило его предложить ему свою помощь, доказывал, что с этим профессором он просто в хороших отношениях и даже не бывает у него на дому. В конце концов друзья помирились.

Лавров простодушно любил Березина, верил в его великую будущность, старался не замечать и прощать ему неприятные черточки характера, а Березин слишком дорожил дружбой Лаврова – любимца всего института. Эта дружба отчасти смягчала холодок в отношениях товарищей к Березину.

Лавров скоро забыл о размолвке, но Березин запомнил ее надолго. После этого случая он с изумлением признался себе, что, в сущности, он Сережу Лаврова, своего, можно сказать, единственного друга, после года знакомства почти не знает. Лавров скромнен, молчалив, больше слушает, мало говорит. И вдруг такая вспышка...

Вскоре другой случай привел Березина в не меньшее замешательство. Как-то летом, на пляже Москвы-реки, друзья расшалились, стали возиться, потом раззадорились и, поощряемые быстро собравшейся вокруг них толпой купающихся, начали почти всерьез бороться. Крепкий, на коротких сильных ногах, горячий Березин ломал своего тоненького, но увертливого противника и долго не мог с ним справиться. Тот выскальзывал из сильных рук Березина, как уж, его почти мальчишеская фигура мелькала в глазах немного неповоротливого Березина. И наконец совершенно неожиданно Березин вдруг почувствовал, что из-под его ног вырвалась

¹⁹ Гидрогеология – наука, изучающая происхождение и движение грунтовых вод.

²⁰ Астрофизика – наука о составе и строении небесных тел, об их физических и химических свойствах.

земля и все лица превратились в вертящуюся розовую массу. Раскинув руки, Березин грохнулся всем телом на песок под крики и аплодисменты зрителей. Лавров припечатал Березина к песку и в следующее мгновение стрелой бросился к воде. За ним, рыча, с пылающим от ярости лицом, гнался Березин, готовый, казалось, превратить его в порошок. Вода-спасительница встала непреодолимой преградой между ними: тяжело дыша, словно наткнувшись на невидимую стену, Березин остановился перед ней, а немного испуганный Лавров, торопливо выбрасывая руки, был уже далеко, стремительно уносясь на середину реки...

С этого дня Березин стал внимательнее присматриваться к Лаврову. Сережа оказался не таким тихоней и не таким слабеньким, как думалось.

Расспрашивая Лаврова о его детстве, Березин стал лучше понимать характер своего друга.

Глава седьмая

Детство и юность Лаврова

Он родился слабым, хилым ребенком. Его спасли старания врачей, самоотверженные заботы матери, а потом солнце и море южного детского курорта закалили мальчика.

Сережа рос, развивался, физически креп. Постепенно забывались бесконечные насморки, простуды, электрифицированные теплые шубки,²¹ шерстяные чулки. Он даже начал полнеть. Но от первых болезненных лет жизни остались задумчивость, неловкость в движениях, недоверие к собственным силам. В школе он сторонился шумной ватаги жизнерадостных ребят, опасливо поглядывая со стороны на их веселые игры и беготню. Он боялся показаться слабым, неловким, смешным, но всем сердцем тянулся к веселой, радостной жизни ребят. Однажды на перемене в гимнастическом зале он сделал попытку поупражняться на турнике, но сорвался, под общий смех упал, сконфузился и больше не показывался в зале. Все старания учителя терпели неудачу. Уроки гимнастики превратились в сплошное мучение для Сережи. Чем больше ему уделяли внимания на этих уроках, тем более неловким он становился, тем чаще вызывал смех ребят. Его оставили в покое, решили, что нужно дать ему время втянуться в школьную жизнь. И тогда он почувствовал себя совсем несчастным, не таким, как все ребята, хотя товарищи, смеявшиеся над его мешковатостью, в сущности относились к нему хорошо.

Его сосед по парте, длинноносый Ваня Колосов, вспыльчивый, высокомерный, задорный мальчишка, был первым силачом класса и не терпел противоречий. Однажды кто-то из ребят пролил чернила на его парту. Ваня не заметил этого, сел и весь испачкался. Ребята засмеялись, и Сережа тоже. Ваня вспыл и закричал, что это он, Сережа, нарочно разлил чернила, и угрожал ему «взбучкой». Сережа хотя и видел, что чернила пролил Женя Катенин, но не сказал об этом, потому что Ваню ребята побаивались, а Женя был славный, тихий мальчик и очень нравился Сереже.

На следующей перемене Ваня начал толкать Сережу, вызывая его на драку, а Женя издали со страхом следил за ними. Сережа сначала отступал, уклоняясь от драки, но потом, случайно бросив взгляд в сторону Жени, почему-то ясно понял, что еще немного, и тот скажет: «Это я пролил чернила». Тогда вдруг что-то непонятное подхватило Сережу, он закусил губу и первый ударил Ваню. Сбежавшиеся ребята ахнули от изумления, потом захлопали в ладоши и в восторге закричали: «Браво!», «Не поддавайся, Сережа!» Ваня яростно дубасил Сережу, но тот не отступал и защищался, правда неумело и неловко. Кончилось тем, что Ваня сбил Сережу с ног и навалился на него, но раздался звонок, и драка прекратилась. Сережа вышел из нее порядочно помятым, сердце страшно колотилось, спина и бока ныли, а поцарапанная щека горела и вспухла, но, странное дело, он всего этого почти не чувствовал и испытывал какое-то удовлетворение, чуть ли не удовольствие. Ребята громко и оживленно обсуждали схватку, спорили, кричали, горячились. Все хвалили Сережу и удивлялись его смелости.

Домой Сережа вернулся взволнованный и молчаливый. Матери, которая заметила царапину, он сказал, что наткнулся на раскрытую дверь шкафа, что это пустяки и щека совсем не болит. Потом он сказал, что нужно готовить уроки, но, вместо того чтобы идти к себе в комнату, пробрался через всю обширную квартиру в дальний чулан, где складывали старую или лишнюю мебель и вещи. Там в потолке для каких-то неизвестных целей было вделано несколько толстых железных крюков. Сережа отыскал крепкую веревку, нашел ровную, гладкую палку и, подставив высокую раздвижную стремянку, с опаской влез на самый верх. Пыхтя,

²¹ Электрифицированная одежда (или одеяло) представляет собой обычную одежду, внутри которой проложена изолированная проволока. Через проволоку пропускается по мере необходимости электрический ток, согревающий ее до определенной температуры. Благодаря этому электрифицированная одежда равномерно и хорошо обогревает.

рискуя свалиться, но сжав зубы и стараясь не смотреть вниз, он долго возился под потолком и наконец соорудил нечто вроде трапеции.

Ежедневно, тщательно скрываясь, он неутомимо упражнялся на трапеции, исполняя все более сложные фигуры. Он не раз падал, но, потеряв ушибленное место, вновь забирался на трапецию и каждый раз выходил из комнаты с чувством гордости, словно после одержанной победы.

Через полтора-два месяца он уже умел, изгибаясь дугой, одним взмахом взлетать на трапецию и вертеться на ней колесом. Он мог раскачаться, висая вниз головой, и с замирающим от восторга сердцем летать из конца в конец комнаты.

И при каждом успехе, при каждом ловком и смелом движении он представлял себе изумленные глаза товарищей и учителей, когда наконец он войдет в гимнастический зал школы и начнет спокойно и равнодушно проделывать свои упражнения. И уже никто не будет смеяться над ним.

И вдруг он вспомнил: а турник? А если ему предложат перейти на турник? Он ведь именно на турнике так позорно оскандалился.

И одиннадцатилетний упрямец, отсрочив день своего торжества, сдвинул две кровати с трубчатыми спинками и на этом подобии турника с прежним упорством начал новый курс упражнений. Потом пришла очередь гантелей; он читал, что они развивают мускулы рук и плеч, грудную клетку. Постепенно мысль о триумфе в гимнастическом зале приходила все реже. Сережу увлекало теперь лишь одно желание – быть ловким, быть сильным и смелым.

Родители уже давно узнали о тайном увлечении своего сына, да и сам Сережа перестал скрывать свои занятия. Дальнюю комнату освободили от ненужного хлама. На полу был постлан толстый ковер, посередине стоял настоящий турник, с потолка свешивались трапеция, кольца, в потолок упирались два гладких шеста для лазания.

Триумф пришел гораздо позднее – когда Сереже исполнилось тринадцать лет и он успешно перешел в седьмой класс. О нем заговорили не только в классе, но и во всей школе. А на всемошской школьной спартакиаде Сережа занял третье место, и «маленький Лавров», как все его теперь звали, сделался гордостью своей школы. Два года еще продолжал он увлекаться легкой атлетикой, плаванием, бегом, борьбой, лыжами и коньками, выравнился, сделался стройным и легким.

Потом он вдруг начал писать стихи и пришел к убеждению, что истинное его призвание – поэзия. Впрочем, это длилось недолго. Уже в восьмом классе он стал серьезно интересоваться естественными науками, много и усердно читал, работал в школьной лаборатории. Вскоре с экскурсией он попал на Урал, а впоследствии, в десятом классе, сосредоточился на геологии.

Упорство, настойчивость, сила воли, которые он развивал в себе еще мальчиком, когда начал увлекаться гимнастикой, счастливо сочетались в нем с природной скромностью. Только постепенно, после долгого знакомства, можно было увидеть в этом тихом, худеньком, мало-разговорчивом юноше серьезное многостороннее образование, физическую силу и ловкость.

* * *

Узнавая Лаврова, Березин не раз удивлялся своему другу, но это удивление длилось недолго. Привычные представления были сильнее, и Николай по-прежнему считал Сергея хорошим товарищем, трудолюбивым студентом, скромным и немного ограниченным.

В дружбе с Лавровым любимца профессоров, будущего ученого Николая Березина был оттенок снисходительности. Березин отогревался в обществе друга, спасаясь от своего самолюбивого и холодного одиночества. Он даже познакомил Лаврова с семьей профессора Денисова и был доволен, когда старый профессор отозвался хорошо о его друге.

Родители Лаврова к тому времени уехали из Москвы в Воронеж, куда отец был переведен директором нового большого завода, и молодой Лавров часто проводил вечерние часы в дружеской семье Денисовых. Сергей сошелся со старшим сыном профессора Валерием, студентом авиационного института. Младший Денисов – девятилетний Димка – ходил в школу, дочь Ирина училась в институте. Молодые люди скоро подружились.

Однако это быстрое и сердечное сближение Лаврова с семьей профессора скоро перестало нравиться Березину, особенно когда он заметил, что Ирина встречает Лаврова особенно тепло. Сначала это его удивляло, потом стало раздражать, и он всячески старался показать Ирине свое превосходство над Лавровым, этой «милой, но наивной посредственностью».

Однако дружба Ирины и Лаврова росла и особенно укрепилась после смерти старого профессора. Ирина, нежная и преданная дочь, тяжело переживала смерть отца, и Лавров, как мог, старался облегчить ее горе.

Березин успел блестяще окончить институт и сначала работал ассистентом профессора Денисова, а после его смерти – самостоятельно. Он прочел несколько интересных, отмеченных в прессе докладов во Всесоюзном потамологическом обществе; в «Известиях» этого общества были напечатаны две его работы, привлечшие внимание к молодому, выдвигающемуся ученому.

Лавров успешно кончал курс в институте и готовил выпускные работы.

Ирина, уже оправившаяся от своей тяжелой потери, прошлой весной получила диплом инженера-машиностроителя и в течение года работала на Московском гидротехническом заводе. Ее брат Валерий – авиаконструктор – уехал на авиазавод в Воронеж. Дом Денисовых оставался родным для Лаврова и Березина. Старого профессора не стало, но товарищи часто вспоминали, как он радовался, когда за его стол садилась большая, «полноводная», как он выражался, семья.

Однако Ирина давно уже чувствовала, что эти два «притока» сливаются не очень дружно. Чем милей ей делается застенчивый и скромный Лавров, тем все язвительнее и нетерпимей становится Березин, тем откровеннее он стремится оттеснить своего друга на задний план. Ей было больно за своего «маленького Лаврова», хотя она признавала за Березиным все его качества будущего блестящего ученого и остроумного собеседника.

Вот и сегодня – с какой небрежной, высокомерной снисходительностью он готовился слушать Лаврова!

И, усаживаясь поуютнее в своем любимом уголке дивана, Ирина готова была пожалеть о появлении у нее Березина в этот час...

Глава восьмая

Первый набросок

– Выкладывай, выкладывай, – повторял Березин, посасывая ломтик апельсина, – а мы послушаем.

– Только предупреждаю, Николай, – сказал Лавров, – отнесись серьезно к тому, что я расскажу. Это слишком важно для меня.

– О! После такого предупреждения клянусь, что буду слушать благоговейно.

Обхватив руками колени и опустив голову, Лавров с минуту помолчал.

– Помнишь, Николай, несколько лет назад ты уговаривал меня заняться потамологией и, в частности, работой над изучением рек Советской Арктики? На потамологию я не перешел, но мысль об Арктике увлекла меня.

– Вот как! – воскликнул Березин. – Выходит, что я все же натолкнул тебя на какую-то новую идею об Арктике! И ты все время молчал и не признавался в этом, тихоня?!

– Ну, это чистая случайность, – вмешалась Ирина. – Не прерывайте же его. Дайте ему говорить.

– Молчу, молчу... Продолжай, Сергей, Ирине не терпится!

Лавров словно не заметил этого маленького пререкания между слушателями и продолжал.

– Я стал много читать об Арктике, особенно о Советской. Меня поразило все то, что сделано в Арктике Советским Союзом. Всего несколько десятков лет назад Арктика начала просыпаться...

– То есть как это «начала»? – придиричиво спросил Березин. – По-твоему, значит, и Тикси-порт, и Игарка, и Диксон-порт, и десятки других заполярных городов, иные с десятками тысяч жителей, живут еще спросонья? И самые могучие в мире ледоколы и сотни грузовых и пассажирских судов тоже, по-твоему, ходят спросонья по Северному морскому пути – от Мурманска и Архангельска до Владивостока и Шанхая? Ну, мой милый, если твоя идея начинается с таких утверждений, то я тебе советую начать свое знакомство с Арктикой сначала.

– Ты совершенно прав, – тихо, но твердо сказал Лавров. – Именно с таких утверждений и начинается моя идея. Я очень прошу тебя не раздражаться, а выслушать. Скажи, пожалуйста, сколько времени в году работают – не спросонья, а лихорадочно, в, спешке – эти суда?

– Ну как я могу ответить на этот вопрос? Год на год не приходится. Иногда три, иногда четыре, а бывает, и все пять месяцев. Если, конечно, не считать случайных и коротких зимних рейсов. Все зависит от состояния льдов, от сроков вскрытия и замерзания моря, от метеорологических и гидрологических условий. Что же, ты сам этого не знаешь?

– Конечно, знаю... И потому-то я считаю, что наша Арктика живет еще далеко не полной жизнью. Ведь вся эта жизнь почти целиком зависит от Северного морского пути, органически связана с ним. Никакие железные дороги, никакие вертолеты и стратопланы²² не смогут заменить его. Две-три тысячи километров морского пути и от восьми до двенадцати тысяч сухопутного! Так можно ли считать достаточным для бытия ключом жизни нашего Союза эти короткие три-четыре месяца, в течение которых только и работает Северный морской путь? Разве мы можем мириться с таким положением вещей?

Березин некоторое время пристально и молча смотрел на Лаврова, потом перевел недоумевающий взгляд на Ирину.

²² Стратоплан – самолет для полета в стратосфере, на высоте свыше 11 километров, где может быть развита скорость полета свыше 1000 километров в час. Кабина стратоплана герметически закрывается, и в нее подается кондиционированный воздух.

– Не понимаю... – сказал он наконец, пожимая плечами. – Мне кажется, ты начинаешь заговариваться. С таким же успехом ты можешь задать тысячу других вопросов. Например, можем ли мы мириться с тем, что в Арктике шесть-семь месяцев длится ночь, а на экваторе ночь и день чередуются через каждые полсутки? Это же бессмысленно. Природа ставит свои пределы, и в этих пределах мы строим свою жизнь.

– Природа... – задумчиво произнес Лавров. – Разве в истории мало случаев, когда человечество, изучая законы природы, выходило за их пределы? Весь прогресс человечества заключается в том, чтобы бороться с природой, изменять ее и приспосабливать к своим нуждам. Особенно у нас, в Советском Союзе! По законам природы Печора течет в Северный Ледовитый океан, а мы заставили ее часть своих вод отдавать через Волгу Каспийскому морю. По законам природы Аму-Дарья сотни лет текла в Аральское море, а мы повернули ее русло к тому же Каспийскому морю, влили новую жизнь в этот высохший водоем, оживили бесплодные пустыни Кара-Кумов...

– Но какое отношение все это имеет к Северному морскому пути? – прервал Лаврова Березин.

– Я считаю, что настало время, когда Советский Союз может и должен взяться за приспособление этого пути к своим потребностям. Народы Советского Союза должны реконструировать Северный морской путь.

– Какой-нибудь новый сверхмощный ледокол, длиною в километр, с машинами, развивающими миллион лошадиных сил? – насмешливо спросил Березин.

– Это было бы принципиально тем же пассивным приспособлением к враждебным силам природы, к которому мы вынуждены были прибегать до сих пор, – спокойно, словно не замечая насмешки, ответил Лавров. – Нетрудно представить себе такой огромный ледокол, который и зимой будет ломать самые мощные арктические льды и прокладывать себе путь в Игарку или Тикси-порт. Но, увеличивая мощность ледокола, мы только приспосабливаемся к мощности льда. Строя оранжереи и теплицы в тундре, мы только приспосабливаем наше сельское хозяйство к условиям Арктики, но не изменяем их активно, как хозяева. Мы поднимаем рельсы наших железных дорог над почвой, спасаясь от вечной мерзлоты, но мерзлота все же остается. Мы хитрим, изворачиваемся, защищаемся, как всегда делает слабый в борьбе с неизмеримо более сильным врагом. И имя этого врага, который пока еще царит в Арктике, – холод! Вот с этим владыкой надо наконец вступить в открытое единоборство, вот кого надо одолеть и изгнать навсегда. И лишь тогда Великий Северный морской путь превратится в магистраль, действующую не три-четыре летних месяца, а круглый год.

Лавров взволнованно и быстро ходил по комнате. Глаза его разгорелись. Ирине даже показалось, что он как-то сразу вырос, возмужал, и его голос звучал сильно и уверенно.

С лица Березина уже давно сбежала насмешливая улыбка. Он вскочил:

– Да это же чистое сумасбродство! Прогнать холод из Полярной области? Ведь это явление почти космического²³ характера! Уж не намерен ли ты переместить географический полюс и изменить наклон земной оси?

– Подождите, Николай, – ответила Ирина, отрывая глаза от Лаврова. – Ведь мы слышали только цель, которую поставил перед собой Сергей, но ничего еще не знаем, как он думает ее достигнуть. Может быть, это совсем не так страшно, как вам кажется.

Лавров тепло и благодарно посмотрел на Ирину.

– Никаких изменений в наклоне земной оси я производить не собираюсь. Дело обстоит гораздо проще.

Березин безнадежно махнул рукой. Его обычно красное веснучатое лицо теперь было кирпичного цвета, между редкими бровями легла глубокая складка.

²³ Космический – мировой.

– Какие бы ты способы ни предложил, сама цель, поставленная тобой, остается нелепой, пригодной только для фантазии романиста, – мрачно сказал он. – Плохое начало для будущего ученого...

– По-моему, плох тот ученый, у которого отсутствует фантазия, – серьезно ответил Лавров. – Должен ли я напоминать тебе, что Ленин сказал по этому поводу?

– Можешь не напоминать. Это не имеет отношения к тому, что я сказал. Я говорил о беспочвенной фантазии... Мне очень обидно за тебя, Сергей. Я считал тебя более уравновешенным человеком.

– Не спешите, Николай, с приговором, – примиряюще вмешалась Ирина, с улыбкой протягивая ему конфеты. – Возьмите вот эту, синенькую. В ней какой-то новый витамин, он действует успокоительно на нервы. Надо выслушать Сергея до конца.

– Ну что же, давайте дослушивать сказку, – с прояснившимся лицом сказал Березин, беря конфету из рук Ирины – Продолжай, Сергей.

Лавров стоял у окна, молча глядя вдаль. При последних словах Березина он живо повернулся к товарищу.

– Прежде всего, несколько предварительных замечаний. Владыка – холод, который еще царит в Арктике – уже кое-где изгнан из своих владений. Правда, это произошло без вмешательства человека. Холод столкнулся там с другой силой природы, перед которой он должен был отступить. Наш Мурманский порт лежит за Полярным кругом на одной широте с Маре-Сале, что на южном берегу Карского моря, и почти на одной широте с Тикси-портом, что на берегу моря Лаптевых. Однако оба эти порта Северного морского пути замерзают на зиму, а Мурманский порт свободен от льда круглый год Почему? Потому что до него доходит теплая, хотя и слабая нордкапская струя могучего Гольфстрима. Вот та сила, перед которой должен был отступить холод на первом участке Великого Северного морского пути.

– Но это теплые атлантические воды дальше Баренцева моря по Северному морскому пути не идут, – со скучающим видом, вытянув ноги, проговорил Березин.

– Совершенно верно! – с живостью продолжал Лавров. – Но есть еще и другая струя Гольфстрима, которая далеко проникает в полярные воды. Она отходит около Нордкапа прямо на север и идет вдоль западных берегов Шпицбергена. Далее, повернув на восток, она пыряет под холодные воды Ледовитого океана. На глубине от нескольких десятков до нескольких сотен метров она огибает с севера архипелаг Земли Франца-Иосифа и, прижимаясь к подводной материковой ступени нашего арктического побережья, идет далеко на восток. Совсем слабой, едва заметной струей она достигает Чукотского моря...

– Однако влияние этой второй струи Гольфстрима на льды Полярного бассейна уже совершенно незаметно. Море там сковано льдами, пожалуй, сильнее, чем у Маре-Сале и у Тикси-порта, – заметил Березин.

– Ну, если бы влияние этой струи было заметно, тогда и вся проблема отпала бы. Тогда эта теплая струя Гольфстрима отрезала бы центрально-полярным льдам дорогу на юг, к побережью Арктики, к Северному морскому пути. Тогда теплая воздушная стена, постоянно возникая над этим теплым течением, возбуждала бы непрерывную циркуляцию огромных воздушных масс. И теплый воздух с юга, из горячих пустынь Кара-Кумов, был бы привлечен на север. Влажный теплый воздух проносился бы над тундрами Сибири и, прогревая почву, уничтожил бы там вечную мерзлоту, вернул бы жизнь этим бесплодным пространствам. Этот воздух, проходя далее на север, не давал бы замерзнуть морям вдоль побережья Советской Арктики. Тогда и Великий Северный морской путь был бы свободен от льдов и мог бы нормально работать круглый год – так, как он сейчас работает в южной части Баренцева моря, у Мурманского порта...

– Если бы да кабы... – заметил, иронически улыбаясь, Березин. – К сожалению, всего этого нет и это реальное положение от нас не зависит.

– Ты думаешь? – резко остановился перед ним Лавров. – А я думаю, что если этого нет, то оно должно быть!

– Как? – воскликнула Ирина.

– Что должно быть? – растерянно спросил Березин.

– Вторая, бесплодно замирающая в полярных водах струя Гольфстрима должна получить новую мощь, и тогда она принесет новую жизнь Советской Арктике.

Лавров стоял посредине комнаты. На его побледневшем лице горели синие глаза. Березину показалось, что он видит перед собою нового, неизвестного ему человека.

Он бросил быстрый взгляд на Ирину, тоже пораженную, но совсем по-иному – восхищенно и радостно, как будто она уже чувствовала победу этого человека, Внезапная зависть и глухая злоба охватили Березина.

– Что же, это так и произойдет по щучьему велению, по твоему хотению? – спросил он с видом крайнего благодушия и дружеской насмешки.

– Нет, это произойдет по велению и хотению советского народа, – спокойно возразил Лавров и добавил: – Конечно, если он одобрит мою идею и согласится с ней, если он возьмет в свои руки дело ее реализации.

– Та-а-ак... – протянул Березин. – Но народу надо будет предложить не одну идею, как бы прекрасна и заманчива она ни была. Надо еще показать народу, партии, правительству, какими средствами можно реализовать эту идею, и выяснить, располагает ли этими средствами даже наша страна. С чем же ты придеешь к народу? О каких средствах ты станешь говорить ему? Увеличить мощность Гольфстрима? Поднять его из глубин на поверхность Ледовитого океана? Да ведь тебя засмеют, едва ты заговоришь об этом!

– Во всяком случае, Николай, – сдержанно и тихо сказала Ирина, – мне кажется, вы не хотите никому уступить этой чести – быть первым в осмеянии идеи Сергея... Идя сюда, к своим друзьям, он, вероятно, не ожидал этого. Мне очень жаль...

Настороженное ухо Березина уловило в этих словах нотки осуждения, необычной холодности.

– Что вы, Ирина, милая! – простодушно воскликнул Лавров. – Наоборот, я даже доволен такой придиричивой критикой. Это дружеская репетиция будущих боев, которые мне еще предстоят. Борьба будет нелегкая и длительная, я знаю это. Николай помогает мне подготовиться к возражениям будущих критиков... Ты спрашиваешь, – обратился он к Березину, – о средствах. Средство уже имеется, Николай, мы уже давно с успехом, пользуемся им. Правда, мы применяем его для других целей. Мы просто не подумали, что его можно применить с огромным эффектом также и для отопления Арктики.

– Что же это за средство? – с невольным интересом спросил Березин.

– Опыт Мареева.²⁴

– Мареева? Строителя подземных термоэлектрических станций? Неужели ты собираешься током от этих станций подогревать струю Гольфстрима?

Лавров весело засмеялся.

– Наконец ты начинаешь понимать меня, но еще не совсем. Я не думаю пользоваться для поднятия температуры Гольфстрима электрическим током от подземных станций. Это слишком сложный и дорогой путь. Для моих целей нужны не глубокие термоэлектрические станции, а одни лишь шахты Мареева, внутренняя теплота тех глубин, которых они достигнут. Правда, эти шахты должны быть неизмеримо большего диаметра. Пропуская даже сравнительно небольшую часть вод Гольфстрима или лежащих под ними холодных вод океана через ряд таких сдвоенных шахт, можно будет поднять и постоянно поддерживать температуру этого и самого по себе теплого течения. А последствия уже известны и ясны...

²⁴ См. научно-фантастический роман Г. Адамова «Победители недр»

– Bravo, bravo, Сережа! – воскликнула Ирина, вскакивая с дивана. – Это изумительно! Дорогой мой, это гениально по простоте... по реальности выполнения.

Она схватила Лаврова за руки и, казалось, готова была закружить его, как кружатся маленькие дети.

– Позволь... позволь, Сергей, – бормотал Березин. – Ты говоришь о пропуске вод Гольфстрима через подземные шахты... Где же ты думаешь рыть эти шахты?

– В дне морском... Под всей линией прохождения Гольфстрима в Советском секторе Ледовитого океана... Однако... – Лавров испуганно взглянул на часы. – Скандал! Ведь в девятнадцать часов я должен быть на консультации у профессора. У меня осталось только десять минут! Николай, Ирина, мы еще встретимся, правда? Здесь же, в следующий день отдыха. И, пожалуйста, обдумайте и критикуйте, критикуйте изо всех сил! Ну, прощайте, друзья мои... Бегу!..

Глава девятая

Как рождаются враги

В комнате сразу стало как-то пусто и тихо.

Ирина несколько минут молча постояла у окна, потом медленно вернулась к дивану.

Березин сидел неподвижно, но внутренне был глубоко взволнован.

Хорошо, что Ирина молчит. Это дает ему время подумать. Ясно, что она на стороне Сергея. «Наконец ты начинаешь понимать меня»... И этот самоуверенный смех... Мальчишка! Это он говорит ему. Николаю Березину, начинающему приобретать известность ученому... Она не только на его стороне, она, кажется, симпатизирует ему... Неужели увлечена? Что делать? Что сказать? Она сейчас спросит...

Откуда у тихони Лаврова эта дерзость мысли? Идея здоровая, хотя и ошеломляющая. Почему же она пришла в голову не ему, ученому, а этой посредственности? Это он должен был предложить ее... Он! Николай Березин, а не какой-то студентик! Молокосос... И Ирина пойдет с ним, если он добьется успеха... Надо помешать этому. Может быть, присоединиться? Работать вместе? Два автора – Сергей Лавров и Николай Березин. Быть на втором плане? Помощником? Ассистент Сергея Лаврова? Ну, нет!

– Ну, что вы скажете обо всем этом, Николай?

Ирина сидела на диване в своем уголке, поджав под себя ноги и раздумчиво играя кистями пояса.

Березин пожал плечами:

– Что сказать, Ирина? Мне искренне жаль Сережу. Юношеская фантазия, плод воспаленного воображения. Если его увлечение серьезно, он погубит себя. Ему надо готовиться к полезной практической работе, а он... шахты на дне морском! Ведь надо же додуматься...

Березин презрительно усмехнулся и опять пожал плечами. Жребий был брошен. Со смятением в душе Березин почувствовал, что с этого момента он уже пленник сказанных им слов, что отступления нет...

– Мареева в свое время также обвиняли в сумасбродстве и беспочвенности, – с живостью возразила Ирина. – Новизна и смелость часто раздражают. Неужели вы сразу так отрицательно отнеслись к Сережиной идее? Меня, напротив, она увлекла. Я знаю Сережу, да и вы его должны знать не меньше, если не больше меня. Он слов на ветер не бросает и продумал эту идею хорошо, глубоко.

– Есть разная новизна, Ирина, – сказал Березин. – Новизна, которая вырастает из действительности, из реальных возможностей, и новизна беспочвенная. Мареев был зрелым человеком, с большим научным и практическим опытом. А Сережа? Мальчик, юноша, еще сидящий на студенческой скамье! В состоянии ли он произвести все математические и технические расчеты, точно учесть наши научные и промышленные возможности?

– Ньютон, открыв закон всемирного тяготения, стал великим двадцати четырех лет, – быстро возразила Ирина. – Не будем говорить, Николай, о незрелой молодости и о мудрой старости. Мы-то ведь еще не старики, и не нам с вами принижать молодость. Мы не скованы привычками и традициями...

Она вдруг спохватилась, что говорит почти словами Лаврова, смешалась, потом, решительно тряхнув головой, хотела продолжать, но Березин перебил ее.

– Во всяком случае, – примирительно сказал он, – вам следовало быть более сдержанной, Ирина. Ваш восторг еще больше распалит его, увеличит его самонадеянность. Сергея надо сейчас отрезвлять, а не разжигать.

Он сел, со страхом ожидая, что скажет Ирина.

– Я не собираюсь разжигать Сережу, – помолчав, ответила она, – но не буду и гасить его порыв. Я хочу поддержать его. Пусть люди, стоящие во главе нашей страны, нашей науки, судят о ценности проекта. Сережа достаточно рассудителен, чтобы понять свою ошибку, если ему укажут и докажут ее...

Из соседней комнаты вдруг послышался звонкий веселый смех, рычание и громовой лай. – Сюда, Плутон! – раздался детский голос. – Оставь! Ты свалишь меня!

Дверь распахнулась, и в комнату ворвались мальчик лет десяти и великолепный ньюфаундленд.²⁵

Огромная собака головой почти касалась голого плеча мальчика. Могучие лапы, большая, гордо поставленная голова и характерный плотный прикус массивных челюстей могли привести в восхищение самого придирчивого к чистоте породы кинолога.²⁶

Пес был черный, без единой отметины. Только над умными глазами собаки виднелись два темно-желтых пятнышка, придававших ее взгляду какой-то уморительно-скорбный вид.

Мальчик был в одних трусах, босой, крепкий, загорелый. Черные вьющиеся волосы шапкой покрывали его голову, большие черные глаза смотрели прямо и задорно. Неправильные черты лица – крупный рот с припухлыми губами, широкий, чуть приплюснутый нос – придавали ему своеобразную привлекательность.

– А где дядя Сергей? – спросил мальчик, остановившись на бегу посередине комнаты. – Мы с Плутоном слышали, что он здесь.

– Ну, какие вы оба невоспитанные! – с укором сказала Ирина, хотя глаза ее любовно и с нескрываемым удовольствием глядели на мальчика. – Дядя Сергей сейчас только ушел. Надо же поздороваться, Дима!

Дима чуть нахмурился, оживление спало с его подвижного лица.

– Что же он, даже не зашел к нам, – своенравно ответил мальчик. – Я ему скажу, когда он еще придет... Плутон! Здраваться!

Они вместе, без видимой охоты, приблизились к Березину. Дима подал, ему руку, Плутон поднял тяжелую мохнатую лапу. Березин, едва пожал руку Димы, быстро и брезгливо отодвинулся от собаки вместе с креслом, подобрав под него ноги.

– Уведи своего зверя, – сказал он Диме, скривив губы, и обратился к Ирине: – Что за дикий пережиток – держать собак в доме!

С повисшей в воздухе лапой Плутон недоумевающе взглянул на своего друга.

«Какой невоспитанный! – казалось, говорил его взгляд. – Кажется, он боится. Вот чудак!»

С достоинством повернувшись, Плутон подошел к Ирине, положил ей на колени свою огромную голову и закрыл глаза, словно заранее предвкушая наслаждение: он ждал, чтобы Ирина почесала ему за ухом.

Ирина засмеялась. Приподняв обеими руками голову собаки, она заглянула Плутому в глаза и сказала:

– Это Плутон – пережиток? Наш славный пес – дикий пережиток? Слышишь, Плутон? Ну, не огорчайся, мы сейчас проявим еще немного варварства и почешем тебя за ухом.

И ее пальцы быстро забегали по голове собаки, путаясь в густой мохнатой шерсти.

– Что вы нынче такой сердитый, Николай? Придирались к Сергею, нетерпимы к Плутому. Я знаю, что вы не любите собак. Но сегодня у вас, кажется, особенно плохое настроение.

– Что вы, Ирина! – с добродушным видом защищался Березин. – Наоборот, я шел к вам в самом лучшем настроении и с самыми, можно сказать, радужными надеждами. Правда, меня немного расстроил Сергей, но это не важно. Я... – смущенно замаялся он, – я хотел бы поговорить с вами, Ирина... совсем о другом...

²⁵ Ньюфаундленд – порода крупных собак (по названию полуострова Ньюфаундленд).

²⁶ Кинология – наука о собаках и методах разведения их.

– Вот как, – рассеянно ответила Ирина. – Ну что же, давайте. Дима, пойдй с Плутоном в сад. Я потом приду к вам туда... Вот только поговорю с Николаем Антоновичем.

Дима, обрадовавшись, вскочил с пола, где он сидел возле Плутона, и побежал к двери вместе с собакой.

– Говорите, Николай, я слушаю, – сказала Ирина.

Лицо Березина покрылось красными пятнами. Видно было, что он не знает, с чего начать.

– Ира, – проговорил он наконец каким-то сдавленным голосом, не поднимая глаз, – пришла пора объясниться. Я хотел сказать... Вы, вероятно, уже не раз имели случай убедиться, как вы мне дороги... И с каждым днем вы делаетесь мне все ближе, все милей... Ира... Я хотел сказать, что люблю вас...

* * *

Бледный, растерянный Березин спускался по эскалатору.

Выйдя из подъезда, он оглянулся и не сразу понял, куда попал. Перед ним оказалась внутренняя площадка дома с газонами, клумбами цветов, фонтаном, рассыпавшим радужную водяную пыль.

Из дальнего угла площадки, где виселись шесты для лазания и сверкали гимнастические приборы, слышались детские голоса, смех, плач, порой доносился громкий лай.

Березин тяжело опустился на скамью возле фонтана, вытер лоб.

Ясно, ясно... И тут Лавров стал поперек его пути. Она этого прямо не сказала, но нетрудно было понять... Иначе почему она так смутилась, когда, получив ее отрицательный ответ, он вскользь упомянул имя Сергея?

Он ударил себя кулаком по колену.

Хорошо, хорошо, мой советский Ньютон... Вы знали, что я люблю Ирину, я вам говорил об этом не раз. А вы в ответ помалкивали. Мировые проекты? Умопомрачительные масштабы? Посмотрим, посмотрим... Что – посмотрим? Ты можешь предложить что-нибудь лучше проекта Сергея или хотя бы такое же? Ты, Николай Березин, молодой ученый с блестящим будущим...

А теплопроводность горных пород?

Эта мысль пришла неожиданно.

Теплопроводность... низкая теплопроводность...

И сразу радость подступила к сердцу.

Дурак! Дурак! Трижды дурак! Он, кажется, забыл об этом! Он, вероятно, не учел этого!

Березин даже засмеялся.

Два человека, разговаривая, прошли по дорожке мимо скамьи и с недоумением посмотрели на него.

Березин перехватил этот взгляд, встал и быстро зашагал к арке, выходившей на набережную.

Глава десятая

События разворачиваются

Через два года после этих, казалось бы, ничем не примечательных, можно сказать, домашних событий огромный Советский Союз был охвачен небывалым волнением. Газеты были полны сообщений, статей, заметок о проекте Лаврова. Невозможно было найти дом, даже квартиру, где бы равнодушно или безразлично относились к проекту. В ресторанах и кафе, в кабинах стратопланов и в вагонах метро, в театрах люди говорили и спорили о нем.

Одни поддерживали проект, другие горячо осуждали.

Несколько месяцев назад Лавров подал правительству Союза докладную записку, в которой подробно излагал сущность своего, проекта. Кроме груды материалов – чертежей, схем, выкладок, расчетов, – записка сопровождалась положительным заключением двух институтов, с помощью которых Лавров в течение года разрабатывал свою идею.

Правительство признало проект заслуживающим внимания и передало в печать его основные принципы для предварительной общественной дискуссии.

К тому времени Советская страна достигла необычайного расцвета и могущества. Тяжелые раны, нанесенные ей когда-то войной с немецким фашизмом, давно были залечены. Разгромив своих смертельных врагов, Советский Союз вновь принялся за прерванное войной мирное строительство. Из года в год страна цвела, росла и ширилась. Уже давно Большая Волга каналами и обширными водохранилищами соединилась с Доном, Печорой и Северной Двиной, получая избыток их вод, чтобы напоить засушливое Заволжье, поднять уровень мелевшего Каспийского моря, лечь просторным, глубоким и легким путем от края до края Советской земли.

Древняя Аму-Дарья была направлена по старому ее руслу – вместо Аральского к Каспийскому морю, и там, где когда-то передвигались с места на место, по воле ветров, сыпучие волны мертвого, сухого песка, бывшая пустыня покрылась белоснежными хлопковыми полями, бахчами и кудрявым руном фруктовых садов.

Кавказский хребет был прорезан тоннелями. В гигантские ожерелья из гидростанций превратили советские люди Волгу, Каму, Амур, Обь, Иртыш, Енисей, Лену и, наконец, суровую красавицу Ангару. Энергия этих рек снабдила электричеством огромные области необъятной Страны Советов.

В станциях подземной газификации, разбросанных по всему Союзу, горел неугасимым огнем низкосортный уголь, превращаясь под землей в теплотворный газ. Сотни тысяч гигантских ветровых электростанций покрыли поля страны, улавливая «голубую» энергию воздушного океана; крупные и мелкие гелиостанции на Кавказе, в Крыму, в республиках Средней Азии превращали солнечное тепло в электрическую энергию. Приливно-отливные и прибойные станции на берегах советских морей, электростанции, построенные на принципе использования разности температур в Арктике, – весь этот океан энергии, непрерывно вырабатываемой и хранимой в огромных электроаккумуляторных батареях, был в распоряжении советских людей, готов был выполнять для них любую работу.

* * *

«Проблему Лаврова» встретили с восторгом. Удивлялись, почему до сих пор эта грандиозная и, казалось, такая простая идея никому не пришла в голову.

Северный морской путь – важнейшая морская магистраль Советского Союза – оказывается, действительно полноценно работал только три-четыре месяца в году!

Как можно было мириться с этим фактом? Как его не замечали до сих пор?

Миллионы тонн самых разнообразных грузов торопливо перебрасывались в эти три-четыре месяца из богатейших областей советского Дальнего Востока, из Маньчжурии, Китая, из Японии и западных портов Северной Америки навстречу грузовому потоку из северных и центральных областей страны, из Скандинавии, из портов Великобритании и северо-западной Европы.

Этот морской путь уже давно стал широкой международной дорогой, прекрасно изученной советскими учеными и моряками-полярниками.

Еще задолго до начала навигации советские метеорологи-полярники²⁷ предсказывали сроки весеннего вскрытия льдов в советских арктических морях, направление к силу ожидаемых ветров. Воздушная разведка на каждом участке пути непрерывно держала радиосвязь с судами, заранее сообщая им о наиболее чистом от льдов пути. Самые мощные в мире ледоколы стояли в арктических портах, готовые помочь судам, встретившим неожиданные ледовые затруднения.

Давно уже стали историей героические рекорды «Сибирякова», «Челюскина», «Литке», ходивших почти вслепую и все же сумевших в тяжелой борьбе со льдами в одну навигацию пройти весь путь от Мурманска до Владивостока или обратно. Теперь же транспортные суда, приспособленные к арктическим условиям, проделывали такие рейсы в один месяц, почти в полной безопасности.

Но этот путь был открыт и свободен только три-четыре месяца в году! Десятки миллионов тонн грузов должны были идти по железным дорогам или кружить вокруг Европы и Азии, по южным и тропическим морям. Решение «проблемы Лаврова» должно было покончить с таким положением вещей.

²⁷ Метеорология – наука о физическом состоянии атмосферы и совершающихся в ней явлениях; изучает изменения погоды и ее элементы: температуру, давление, влажность и электрическое состояние, солнечное сияние, облачность, осадки, ветер.

Глава одиннадцатая

Всенародная дискуссия

Прошел месяц со дня обнародования проекта. Им восхищались, увлекались, но слышались и голоса, призывавшие к осторожности и благоразумию.

Высказывались сомнения, сможет ли страна осилить такие работы. Ведь потребуются миллионы тонн высококачественных новых материалов, потребуются новые рудники, металлургические и машиностроительные заводы, для которых нужно новое специальное оборудование.

Как представляет себе автор проекта, спрашивал известный горный инженер Нурахметов, процесс удаления выработанных пород из шахт глубиной в несколько километров? Ведь самый прочный металлический трос²⁸ при такой длине не выдержит собственной тяжести и оборвется, не говоря уже о дополнительной нагрузке в виде землечерпательных снарядов и удаляемой породы.

Океанограф Бахметьев в большой статье под заголовком «Будем благоразумны!» обрушился на проект Лаврова. Он писал, что никто в мире, в том числе и Советский Союз, не имеет достаточного опыта в подводном строительстве. Строение дна Северного Ледовитого океана еще слишком мало известно. Для предохранения подводных шахт от затопления в период работ должны быть созданы какие-то гигантские перекрытия. Но если самые шахты будут иметь огромный диаметр, каких же размеров должны быть эти перекрытия? Смогут ли наши конструкторы спроектировать их, а наши строители – построить? Не рухнут ли эти гигантские конструкции под двойным воздействием огромного давления водных масс и собственного веса?

Радиогазета «Мурманское радиоутро» передала в эфир статью известного ученого-полярника, профессора гляциологии²⁹ С. М. Радецкого. Профессор считал проект Лаврова вообще ненужным и излишним. Естественное потепление климата всего земного шара, а вместе с ним и Арктики, идет своим путем, и человечеству нет смысла заниматься проблемой, которая разрешится рано или поздно сама собой.

Решающее значение имел доклад известного метеоролога и не менее известного художника-пейзажиста профессора Грацианова. Доклад состоялся в Москве, перед двадцатитысячной аудиторией Дворца Советов, и передавался по всей стране по теледиффузфонной сети.³⁰ Последствия доклада оказались, однако, совершенно неожиданными для самого докладчика.

Профессор начал с того, что выразил свое восхищение проектом Лаврова.

– Проект, – сказал он, – научно и технически обоснован почти безукоризненно. Такие идеи, имеющие огромное значение для судеб человечества, заключающие в себе все достижения своей эпохи, появляются лишь раз в столетие. Но, к сожалению, одна область науки не может еще поспеть за проектом Лаврова. Это – климатология.³¹ Конечно, мы и в этой области далеко ушли от прошлого, узнали много нового, установили неизвестные ранее закономерности, но этого мало. Кто из климатологов возьмет на себя смелость исчерпывающе предсказать все последствия, которые внесет новое теплое течение в климатический порядок, установившийся в нашей стране?

²⁸ Трос – стальной канат, сплетенный или скрученный из стальных проволок, иногда с пеньковой сердцевинкой внутри.

²⁹ Гляциология – наука о льдах, их свойствах, движении.

³⁰ Теледиффузфонная сеть – система проволочной и беспроводной (радио) передачи с радиовещательной и телевизионной станциями изображений движущихся предметов и звуков (речь, пение, музыка).

³¹ Климатология – наука, изучающая среднее состояние метеорологических элементов (климата) в различных частях земного шара.

Мы можем лишь в самой общей форме сказать, что теплый воздушный поток, постоянно возникая над этим течением, будет уходить в верхние слои атмосферы, а в нижние, разреженные слои устремится холодный воздух с севера и с юга. Северное направление, как менее важное, можно сейчас не рассматривать. Займемся южным течением. Здесь на место поднимающихся кверху воздушных масс, в образовавшееся разрежение, ринется с юга нижний, более холодный воздух. Первыми придут в движение холодные воздушные массы над прибрежными полярными морями, за ними последуют воздушные массы, лежащие над тундрами, затем – над тайгой, далее – над среднероссийскими и казахскими степями и, наконец, еще южнее – над остатками пустынь Средней Азии.

Именно эти последние горячие и теплые воздушные струи, проходя с юга над тайгой, тундрой и полярными морями, будут отдавать им большую часть своего тепла, прогревать мерзлую почву, расплавлять тысячетелный подпочвенный лед, согревать воду полярных морей и препятствовать образованию льда. Но этим дело не ограничится. Эти пришедшие с юга воздушные струи, сначала охладившиеся над полярными областями и затем вновь обогретые над возродившимся Гольфстримом, поднимутся в верхние слои атмосферы и устремятся обратно на юг, чтобы заполнить разреженность, образовавшуюся там в атмосфере. Проходя в верхних, холодных, слоях атмосферы, воздушные потоки снова охладятся, водяные пары, насыщающие их, превратятся в воду, и обильные дожди прольются над тундрами, тайгой, степью и над полумертвыми остатками пустынь Кара-Кумов и Кызыл-Кумов, оживляя их. Но образовавшиеся от таяния подпочвенного льда и обильных дождей гигантские массы подпочвенных вод хлынут на поверхность земли, переполнят реки и озера, затопят всю сушу и превратят ее в необозримое болото с поднимающимися кое-где плоскогорьями и вершинами холмов и гор. Что станет тогда с нашими субарктическими и арктическими городами и поселками? Что станет с нашими заводами, рудниками, копями, железными дорогами? Что станет с единственной в мире по ценности тайгой, на благоустройство которой наше поколение затратило столько сил и средств? Кто знает, как отразится эта перемена климата на здоровье людей, как повлияет на приспособившиеся к существующему климату наши культурные растения, которые со времен Мичурина мы выводили с такой заботой!

– Долой проект Лаврова! – прервал докладчика чей-то резкий голос.

– Не долой, мой уважаемый, но слишком экспансивный товарищ, – быстро возразил профессор, – а отложить! Вот, по-моему, самое правильное решение. Отложить до того времени, когда климатология сможет сказать свое решительное слово о реализации проекта.

Профессор начал собирать свои заметки, намереваясь сойти с трибуны, но, прежде чем он успел это сделать, из зала через десятки репродукторов прозвучал спокойный звучный голос:

– Вы запугали нас своими картинами гибели мира, Иван Афанасьевич. И совершенно напрасно! Товарищ председатель, позвольте мне сказать несколько слов.

– Кто просит слова?

– Академик Карелин.

Академика встретили бурными аплодисментами. Ученый с мировым именем, в молодости геолог, затем климатолог, он дал человечеству, среди многих других открытий, теорию формирования и строения климата и поразительно точный метод прогноза погоды. В науку этот метод вошел под названием «метод Карелина». Молодежь любила Тихона Ивановича за прямоту и простоту, за редкий ум и лукавое добродушие. С тех пор как климатология стала обязательным предметом изучения в средней школе, Тихон Иванович изъявил желание сам читать лекции школьникам Советского Союза, занимающимся по московскому времени. В

точно определенный час в этих школах перед миллионами советских школьников на экранах телевизоров³² появлялась характерная фигура Тихона Ивановича.

– Так вот, друзья мои, – сказал Тихон Иванович, когда немного утих приветственный шум, – по-моему, профессор Грацианов немного преувеличил. Должен признаться, что проект уважаемого товарища Лаврова мне пришлось, по просьбе самого Сергея Петровича, проконсультить. Начал я с консультации, а кончил тем, что сам увлекся этой замечательной идеей и продолжал ее разрабатывать под руководством моего молодого друга уже более детально. Ночи просиживали напролет... И выводы у нас получились совсем не похожие на те, которые здесь изложил Иван Афанасьевич.

В чем его ошибка? Прежде всего в том, что он требует подождать, пока климатология станет наукой, чуть ли не математически точно решающей все стоящие перед ней вопросы. Но это значит вообще отказаться от помощи науки, потому что ни одна наука своего развития до сих пор не закончила и закончить не может. Природа всегда и непрерывно ставит перед нами новые и новые вопросы. Проблема, решенная сегодня, в свою очередь, выдвигает новые загадки. И в этом счастье нашей жизни, нашей научной деятельности, дающее нам возможность бесконечного прогресса, движения вперед. Ведь если стать на точку зрения Ивана Афанасьевича, ни один шаг в нашей человеческой деятельности, при желании обосновать его данными науки, никогда не может быть сделан, так как всестороннего, абсолютно точного и исчерпывающего обоснования его наука дать не сможет. В этих условиях доля риска всегда остается, и ждать, пока она совершенно исчезнет, значит отказаться от живой практической деятельности. Люди ведь отваживались плавать на просторах океана даже тогда, когда еще не знали ни компаса, ни хронометра,³³ ни секстана.³⁴

Вторая ошибка Ивана Афанасьевича заключается в том, что по его представлению, действие отопленной струи Гольфстрима будет иметь характер катаклизма,³⁵ чего-то внезапного, словно извержение вулкана. Между тем и сущность и влияние морских течений на климат достаточно уже известны, чтобы иметь суждение о влиянии отопленной струи Гольфстрима на климат северной части Евразийского континента.

И Тихон Иванович рассказал слушателям, что даже мощное североатлантическое теплое течение, продолжение Гольфстрима, подходя к берегам Западной Европы, несмотря на сравнительно высокую температуру своих вод, посылает на континент вполне умеренные осадки и не превратило его климат в тропический. Температура вод на севере будет находиться в руках человека. Диаметр шахт, а следовательно, и мощность пропускаемого через них потока воды, а также глубина этих шахт, определяющая количество подаваемой из подземных недр теплоты, рассчитаны в проекте так, чтобы разогрев всей полярной струи арктических вод шел постепенно. Это произойдет в тот срок и с такой быстротой, какие нам желательны, примерно – в три-четыре года.

– Кстати, – заметил Тихон Иванович, – я хотел бы мимоходом коснуться замечаний профессора Радецкого, переданных на днях по радио. Профессор Радецкий полагает, что в проекте Лаврова нет никакой необходимости, так как естественное потепление Арктики идет само по себе. Профессор Радецкий рекомендует нам ждать сложа руки, пока в награду за наше терпение с неба не придет полное потепление Арктики. А ведь профессору Радецкому известно, что это процесс очень длительный и медленный, что здесь счет идет на столетия, и нам неиз-

³² Телевизор – аппарат для приема на особом экране движущихся предметов, а также звуков. Передача производится по радио, а с радиозвонков – по проводам.

³³ Хронометр – особо точные часы, применяемые при астрономических наблюдениях, а также для установления географической широты и долготы и во всех случаях, когда требуется особая точность определения времени.

³⁴ Секстант – инструмент для определения углов при астрономических и навигационных наблюдениях. Представляет собой шестую часть круга (60°), разделенную на градусы и снабженную зеркальцем и небольшой трубой.

³⁵ Катаклизм – грандиозная катастрофа, резкий переворот в природе, потоп.

вестно еще, когда и на какой ступени потепление остановится. Почему же нашему поколению уклоняться от решения такой грандиозной задачи? Но это между прочим. Вернемся к докладу профессора Грацианова. Мы установили, что действие отепленной струи атлантических вод в Полярном бассейне будет лишь постепенно сказываться на климате континента. Профессор Грацианов пугает нас результатами потепления и растаивания подпочвенного льда в области вечной мерзлоты. Но если в атмосферных массах процесс этот будет происходить совсем не с такой катастрофической быстротой, как это кажется уважаемому докладчику, то тем более следует ожидать замедления этого процесса в почвенной среде. Необходимо иметь в виду, что подпочвенный лед покрыт в области вечной мерзлоты толстым, иногда в несколько десятков метров, слоем теплоизолирующей почвенной и мшистой подушки. В долгие летние дни среднеиюльская температура, например, а Верхоянске – «полюсе холода» – достигает 15–16 градусов выше нуля, а максимальная – плюс 34, даже 38 градусов жары! И все же горячее летнее солнце не может там сколько-нибудь заметно повлиять на состояние подпочвенного льда. Ясно, значит, что медленное и сравнительно незначительное повышение зимних температур во всяком случае не приведет к тем катастрофическим наводнениям, которых опасается докладчик. Процесс растаивания подпочвенного льда под охраной теплоизолирующей почвенной подушки будет медленным и длительным. Конечно, нужно заранее готовиться к значительным нарушениям в природе этих областей. Вероятно, появятся новые реки, в некоторых местах русла старых рек не смогут вместить нового притока подпочвенных вод, будет угрожать опасность наводнений, появится много новых провалных озер. Придется заняться подготовкой и устройством новых вместилищ для стока вод, заранее проводить русла новых рек и каналов, реконструировать фундаменты под зданиями и железнодорожные пути, искусственно заморозить некоторые рудники и шахты. Но если еще в полуварварский период своей истории маленькая Голландия смогла отвоевать себе землю у сурового моря, то неужели нашу великую страну, в период ее расцвета, в эпоху могучего развития науки, техники и плановой организации сил, смогут остановить какие-то подпочвенные воды и задержать в нашем движении к высшей культуре? Нет! Никогда!

Бурный взрыв оваций был ответом на речь старого ученого. Но овации сейчас же оборвались, как только Тихон Иванович нетерпеливо поднял руку.

– И пусть не говорят нам, – продолжал старый ученый, – что, дескать, мы достигли уже всего необходимого, отлично приспособились к существующему порядку вещей и нам нечего бросаться, как они говорят, в авантюры. Жизнь только в движении! В непрерывном движении вперед. Мы еще только начинаем жить по-настоящему, и стыдно нам уклоняться от зова жизни. Проект Лаврова является именно таким призывом жизни. И мы не смеем отказываться идти навстречу этому призыву, если мы хотим быть достойными нашего великого прошлого, нашего прекрасного настоящего и еще более чудесного будущего!

Заключительные слова академика вызвали восторг. Раздались крики: «Браво!» «Да здравствует проект Лаврова!» Многие устремились к трибуне и, стоя внизу, приветствовали старого ученого, медленно спускавшегося по ступеням. Непрерывный звонок председателя даже через десятки усилителей был едва слышен.

На трибуне появился молодой человек, высокий, смуглый, с длинными черными волосами и горящими глазами. Энергичными движениями рук он требовал внимания.

– Мы, молодежь, хотим действовать, – начал наконец молодой человек, – работать, творить! Мы хотим тоже оставить свой след на земле, след, не стираемый веками! Мы тоже хотим служить нашей родине, всему будущему человечеству, как наши героические отцы и деды. Пусть даже с риском, пусть с жертвами! Мы не боимся их, мы без страха пойдем на жертвы, потому что мы хотим подвига! Я предлагаю сейчас же организовать сбор подписей и просить наше правительство немедленно учредить комиссию для практического рассмотрения и дальнейшей разработки проекта Лаврова. Да здравствует Лавров и его проект!

Закончив под грохот аплодисментов и крики «ура» свою речь, молодой человек быстро сошел с трибуны и скрылся в толпе.

Председатель едва успел спросить его:

– Кто говорил? Ваша фамилия?

– Красницкий, – ответил молодой человек.

– Собрать подписи! Пусть президиум раздаст листы! Раздайте листы! – слышались крики из разных концов зала.

Через минуту из рук в руки, из одного ряда в другой по всему огромному залу началось перепархивание белых листов, быстро покрывавшихся сотнями и тысячами подписей...

Среди гула оживленных разговоров раздался голос председателя:

– Внимание! Внимание! Даю Тбилиси! Смотрите и слушайте Тбилиси!

Огромный серебристый экран позади президиума вдруг засветился трепетным розовым светом, его гладкая поверхность быстро начала как будто уходить куда-то вглубь. Еще мгновение – и рядом с залом Дворца Советов, словно продолжение его, возник новый огромный зал с бесконечной перспективой боковых колонн, несущих на себе обширный подковообразный балкон. Зал и этот балкон с амфитеатром были полны взволнованным народом, президиум занимал свои обычные места над трибуной, на трибуне стоял человек с черными курчавыми волосами, и его голос разносился теперь одновременно под сводами московского и тбилисского дворцов:

– ...Выслушав доклад профессора Грацианова и возражения академика Карелина, мы единодушно присоединяемся к почину наших московских товарищей! Да здравствует Лавров и его проект!

– Внимание! – послышался голос председателя. – Смотрите и слушайте Харьков!

Еще через пять минут:

– Сейчас будет Минск!

Потом:

– Мурманск!

– Владивосток!

– Сталинград!

Глава двенадцатая

Посевы

Весеннее солнце припекало, но в большом универсальном магазине, окна которого были затемнены шторами, было прохладно.

Инфракрасный сторож³⁶ тихо закрыл за Березиным дверь магазина, не давая выхода наружу прохладному кондиционированному воздуху.

Лавров снял берет и вытер лоб. Плотный, краснолицый спутник последовал его примеру. Лицо этого человека было гладко выбрито, под узенькими прищуренными глазами висели припухлые мешочки, как у людей с нездоровым сердцем, но с толстых красных губ не сходила веселая, добродушная улыбка. Глаза его находились в непрерывном движении, они быстро скользили по всему, что встречалось на пути, лишь на мгновение останавливаясь на той или иной детали, и тогда казалось, что этот зоркий фотоаппарат цепко хватает и фиксирует на бесконечной пленке памяти все, на чем останавливается обостренное внимание человека.

Это был московский корреспондент иностранных газет Эрик Гоберти. Его статьи и корреспонденции были всегда увлекательны и талантливы.

Одни читатели восхищались его работами, другие нападали на него. Уже десять лет Гоберти жил в Стране Советов и следил за ростом и расцветом ее. Каждое достижение Советского Союза, каждый новый интересный завод или электростанция, рекорд советских летчиков или советских хлопководов, открытие советских ученых, каждый новый шаг в развитии страны – все умел он ярко и увлекательно показать в своей очередной корреспонденции и завоевал себе в Советской стране уважение.

– Ну, – сказал Лавров, взглянув на часы, – мне нужно в гастрономическое отделение.

– В гастрономию и мне, – заявил Гоберти.

– Ну что же, пойдемте все, – присоединился Березин.

Прошли через фруктовое отделение, потом через отделение мясных и рыбных продуктов. Многие встречные узнавали Лаврова, останавливались, приветствовали его, пожимали ему руки. Гоберти при одной такой остановке случайно взглянул на Березина. Тот криво улыбнулся ему, чуть заметно пожал плечами и отвернулся. Гоберти, недоумевая и силясь что-то понять, продолжал наблюдать. Но Березин спешил вперед, не оглядываясь.

Наконец, при одной немного затянувшейся встрече с двумя восторженно настроенными молодыми женщинами, Березин повернулся и с досадой, едва дождавшись их ухода, громко сказал:

– Что же ты мешкаешь, Сергей? До сих пор еще не привык к своей славе?

– Ладно, ладно, – краснея отвечал Лавров. – Неудобно же обрывать...

Гоберти напряженно наблюдал и слушал. Его маленькие серые глазки горели острым любопытством.

В гастрономическом отделении Лавров нажал кнопку в столе возле вазы с образцами икры, просунул в щель свою адресную карточку и небольшой квадратный талон.

– Странно все-таки, – говорил Гоберти, отбирая себе продукты: – как это в Советском Союзе сохранились еще вещи, за которые нужно расплачиваться!

– Их совсем не так много, – возразил Лавров, – лишь наиболее редкие. Некоторые сорта дорогой рыбы, икра, старинные гравюры, вертолеты. Все это уж не такие предметы первой

³⁶ Инфракрасный сторож – прибор, автоматически открывающий и закрывающий двери. Работа прибора основана на использовании невидимого инфракрасного луча, который проходит перед дверью так, что человек при приближении к ней обязательно пересекает луч и тем самым приводит в действие электрический механизм, открывающий и закрывающий дверь или посылающий предупредительный звонок.

необходимости и не так их много, чтобы пользоваться ими без некоторых ограничений. Советскую икру, например, весь мир требует. Другой такой не найти. Надо же с вами поделиться. Ну, я бегу, мне еще нужно в художественное отделение. Хочу порыться в гравюрах. До свиданья, господин Гоберти! До свиданья, Николай! Когда же ты наведишь Ирину или меня?

– Работы много, Сергей, и своей и, так сказать, твоей, – криво усмехнулся Березин. – Твой ответ на мою статью принес мне много неожиданностей – не скрою, довольно неприятных. Собираю теперь материал для возражений.

– Неожиданностей? – пожал плечами Лавров. – Если бы ты, прежде чем печатать свою статью, предварительно поговорил со мной, никаких неожиданностей не было бы. Ведь все мои аргументы – не секрет. Ну, прощай! Заходи...

Он помахал рукой и быстро вышел.

Оставшиеся некоторое время молчали.

Гоберти первый прервал молчание.

– Господин Березин, – сказал он, незаметно наблюдая за своим новым знакомым, – вы считаете ответ Лаврова на вашу статью исчерпывающим?

– Далеко нет, господин Гоберти, – ответил Березин, нетерпеливо передернув плечами. – Нужно только хорошо разобраться в ней. Это еще не последнее слово в нашей дискуссии.

– Помню, вы что-то писали о теплопроводности... Да, да, припоминаю... о низкой теплопроводности горных пород. Так, кажется?

– Да, об этом.

– Вы хотели сказать, что эти горные породы, то есть шахты, скоро остынут, перестанут согревать воду Гольфстрима и вся постройка окажется бесполезной? Я верно передаю вашу мысль?

– Совершенно верно.

– Что же Лавров ответил на это?

Березин досадливо пожал плечами и минуту помолчал.

– Он рассчитывает, – нехотя начал Березин, – встретить внизу, под дном океана, большие гнезда радиоактивных пород – уран, торий, актинии. Усиленный процесс распада этих элементов доставит шахтам дополнительный источник тепла. Это источник вечный, незатухающий.

Березин оживился и, сам того не замечая, говорил с возрастающим увлечением:

– Вы понимаете, раньше думали, что внутриземная теплота – это просто остатки солнечного тепла еще с тех времен, когда Земля только отделилась от Солнца. Это, конечно, неправильно. Ученые уже давно подсчитали, что этого запаса тепла хватило бы нашей планете только на двадцать два миллиона лет, а в действительности она существует около трех миллиардов лет.

– Ого, разница большая! Так откуда же берется земная теплота?

– Из собственных ресурсов планеты – вот откуда! – воскликнул Березин. – Вы понимаете, уран, например, содержится во многих горных породах, а особенно в гранитах. Он постоянно, непрерывно распадается и превращается в другие элементы – тяжелый свинец и легкий газ гелий. А распад и превращение всегда связаны с выделением тепла, с повышением температуры тех горных пород, в которых эти процессы совершаются.

– Вот как! И этого достаточно, чтобы обезопасить шахты от остывания?

– О да! – воскликнул Березин и, словно спохватившись, потухшим голосом добавил: – То есть так думает Лавров... Но некоторые ученые считают, что залежи радиоактивных пород встретить на глубине не удастся...

– Вот как, – задумчиво произнес Гоберти, тихонько барабанив пальцами по столу. – Гм... гм... Я три дня назад вернулся в Москву. Должен вам сказать, что статья ваша произвела фурор в заграничных журналистских кругах. Я слышал, что какая-то французская газета собирается перепечатать ее.

– Да? Очень рад... Не знаете ли, какая газета?

– Нет, не знаю. Но, во всяком случае, этой статьей очень заинтересовалась. Вам, конечно, известно, что проект Лаврова сильно взбудоражил некоторые круги на Западе? Все прогрессивные круги и печать сразу подняли его на щит. И могу добавить – с большим энтузиазмом. Но я говорю о других кругах. Они взволнованы не меньше, но без внешнего шума.

– О ком вы говорите?

– Я говорю о некоторых, правда довольно узких деловых кругах. Там меня положительно разрывали на части, надеясь узнать какие-либо подробности о проекте.

– В самом деле? Почему бы так? Кажется, именно там достаточно трезвых людей, – с горечью заметил Березин.

– Люди там трезвые... трезвее, пожалуй, нигде не найти, но и предусмотрительные. Особенно если они кровно, то есть акциями и дивидендами, связаны с судьбой Суэцкого канала.

Березин удивленно поднял глаза.

– Об этом я не думал.

– А тут есть о чем подумать, – серьезно сказал Гоберти. – Если вы не спешите, посидим здесь, поговорим... Вон в том уголке нам никто не мешает. Мне хотелось бы поговорить с вами. Не скрою от вас, – продолжал он, когда они удобно расположились в уединенном углу зала, среди пышно разросшихся в кадках розовых кустов, – не скрою от вас, что хотя мои личные симпатии полностью на стороне товарища Лаврова и его проекта, но мои корреспонденции являются, в сущности, лишь отражением советской действительности. Проект Лаврова был с восторгом принят общественностью вашей страны. С таким же энтузиазмом приняли его по моим корреспонденциям широкие народные массы за границей. Но я скажу, что проект имеет, к сожалению, не очень много шансов на реализацию...

– Почему вы так думаете? – оживившись, спросил Березин.

Гоберти минуту помолчал, внимательно всматриваясь в лицо своего собеседника.

– Видите ли, – сказал он наконец, – решит дело, как вы сами понимаете, советское правительство. Оно должно будет учесть не только энтузиазм масс, не только производственные, хозяйственные и технические возможности страны, но также и некоторые другие факторы, которые широкая общественность предусмотреть не в состоянии...

– Что же это за факторы? – нетерпеливо перебил Березин.

– Внешние, – коротко ответил Гоберти. – Интересы некоторых иностранных кругов. Проект затрагивает самые жизненные интересы международного Акционерного общества Суэцкого канала, – продолжал он после минутного молчания, – и это общество кровно заинтересовано в судьбе проекта Лаврова. Ведь если он будет реализован и Северный морской путь будет открыт для безопасной навигации в течение круглого года, то это убьет Суэцкий канал! Я полагаю, что эти круги предпримут попытку тем или иным путем оказать давление на советское правительство, чтобы устранить эту угрозу дивидендам акционеров общества Суэцкого канала.

– М-да! Пожалуй, вы правы, – задумчиво ответил Березин.

– Видите, – рассмеялся Гоберти, не спуская с него пристального взгляда, – видите, на каких невидимых нитях висят и слава и жизненные успехи вашего друга.

Березин исподлобья бросил на Гоберти быстрый взгляд, но ничего не ответил.

– Не в этом, конечно, дело, – добродушно продолжал Гоберти. – Дело в том, что если вы боретесь против проекта Лаврова из соображений, разумеется, патриотических, то кое-кто за границей, несомненно, сочувствует вам в этом. Вот почему там проявили такой интерес к вашей статье, направленной против проекта. Кстати, когда вы думаете изготовить ваш ответ на возражения Лаврова?

– Примерно через декаду, – медленно и угрюмо ответил Березин, не поднимая головы.

– Хотите, я передам вашу новую статью в свою газету? – спросил Гоберти. – Это докажет беспристрастие редакции, если после моих восторженных корреспонденции будет помещена

ваша статья. Я уверен, что она несомненно будет иметь большое влияние на мировое общественное мнение.

Березин не сразу ответил.

– Если в вашу газету... – нерешительно сказал он наконец. – Что ж... надо подумать...

Газета дружественная.

– Это было бы замечательно! Кстати, я тоже через декаду отправляю свою корреспонденцию о назначении правительственной комиссии по проекту Лаврова. Вы, кажется, включены в эту комиссию как один из самых серьезных его оппонентов?

– Да. Но имейте в виду: если я дам статью, то только при условии, что она пойдет без подписи.

– Простите, – замявшись, сказал Гоберти, – но ваша подпись должна быть под статьей... Иначе редакция может не поверить, что она принадлежит именно вашему перу.

– Ну хорошо! Оригинал я подпишу, но в печати статья должна появиться анонимно.

– Это, конечно, ваше право. Значит, договорились? – весело сказал Гоберти вставая.

Выйдя на улицу, новые друзья очутились под тенистыми кронами кленов и платанов. Березин нес букет свежих цветов, Гоберти – свои пакеты и коробки.

Множество бесшумных электромобилей разнообразных форм и окрасок, одноместных и двухместных электроциклов быстро мчались вверх и вниз по улице. По-весеннему празднично одетые люди заполняли тротуары; высоко в воздухе носились стаями аэромобили, вертолеты и орнитоптеры; они то взмывали с крыш окружающих зданий, то садились на них.

Гоберти и Березин, погруженные каждый в свои мысли, изредка перебрасываясь словами, спустились к площади. Навстречу им по подъему двигался эскалатор, переполненный людьми.

Площадь была большая, овальная, окруженная высокими зданиями. В центре на зеленом острове газонов, среди струй кольцевого фонтана, высился бронзовый памятник знаменитому русскому ученому Ломоносову.

Свернув с улицы на площадь Ломоносова, Гоберти и Березин вышли в подъезд первого дома и по мягко освещенной лестнице-эскалатору спустился в огромный, залитый светом подземный зал. В центральной части между двумя рядами колонн, слепо поблескивая матовыми поляризованными стеклами³⁷ фар и кабин, стояли в ряд заснувшие электромобили. По сторонам вытянулись одноместные и двухместные электроциклы с открытыми сиденьями вроде кресел. Среди машин бродили люди и, выбрав подходящую, уезжали. Гоберти и Березин остановились у четырехместного электромобиля с прозрачной верхней частью кузова.

Березин сел за рулевую баранку. Машина медленно, с чуть слышным певучим гудением электромотора прошла по подъемному тоннелю. Впереди показалось широкое пятно света – выход на улицу.

– Вам куда, господин Гоберти? – спросил Березин, осторожно выводя машину на стеклянную мостовую.

– Мне недалеко, на Клязьму. Хочу навестить приятеля, поудить, кстати, рыбу и отдохнуть возле воды. А вам?

– Гораздо ближе, на Москву-реку, Фрунзенская набережная.

– С букетом? – добродушно усмехнулся Гоберти.

– Как видите...

– Эх, молодежь! – с грустной завистью вздохнул Гоберти. – Вся жизнь ваша – как букет.

– Не всегда, к сожалению, – проговорил угрюмо Березин. – В букетах попадают и цветы с шипами.

³⁷ Поляризованное стекло – стекло, преломляющее и отражающее под определенным углом световые лучи.

– Розы, например?! – заметил Гоберти, искоса прищуренными глазами посмотрев на своего спутника.

– Чаще всего... Вы не возражаете, если мы раньше поедem на набережную и там я передам вам машину?

– Пожалуйста, мне не к спеху... Вам не кажется, что в кабине немного душно?

– Да, солнце припекает. Прибавьте прохлады. Рычажок кондиционного аппарата возле вас.

Машина неслышно мчалась. Бежали мимо широкие улицы, обсаженные рядами тенистых деревьев, тротуары с пестрым потоком людей. Мелькали освещенные тоннели под перекрестками, проносились мимо зеленые острова садов и скверов, площади с ровными, как ковер, газонами и фонтанами, окутанными сверкающей пылью.

Гоберти и Березин молчали. Еще через десять минут, у полукруглого, окаймленного колоннами подъезда на гранитной набережной Москвы-реки, Березин простился со своим спутником. С плохо скрываемым волнением, чувствуя себя словно перед решительным сражением, он начал подниматься по эскалатору к Ирине...

Глава тринадцатая Посевы

(Продолжение)

В сущности, ничего особенного не произошло. Березин предчувствовал этот результат. Правда, маленькая надежда чуть теплилась в его груди, но она улетучилась, как только он начал этот разговор... Последний разговор. Неужели последний?

Опять, как два с лишним года назад, Березин сидел на той же скамье у фонтана во внутреннем дворе дома Ирины. Как и тогда, с детской площадки доносились веселый смех и звонкие крики детей, громовой лай Плутона. Тогда была еще какая-то надежда. А теперь? Теперь никакой. Ну что же, этого надо было ожидать.

Как-то неожиданно для себя самого Березин довольно спокойно отнесся к результату сегодняшнего разговора с Ириной. Он испытывал даже чувство некоторого облегчения, словно освободившись наконец от долгого, мучительного ожидания. И сама Ирина показалась Березину сейчас какой-то далекой, безразличной, чужой.

Согнувшись, он сидел на скамье, опустошенный, без мыслей, тупо разглядывая следы на влажном песке дорожки. И снова возник перед ним образ Сергея. Имя друга преследовало его повсюду – о Лаврове говорили радиогазеты, экраны телевизора, на улицах и площадях о нем кричали плакаты, его имя звучало в разговорах прохожих. Этот человек встал перед ним на дороге к известности и славе, отодвинул его на задворки. Злоба и зависть с новой силой поднялись в душе Березина. Он порывисто откинулся на спинку скамьи и положил ногу на ногу.

Проект... проект... Если бы не проект, этот мальчишка вновь вернулся бы на ученическую парту, в безвестность...

В памяти Березина вдруг всплыло лицо Гоберти. Давление откуда, из-за границы... Может быть, это заставит отказаться от проекта? Если дать статью для газеты с новыми доводами, новыми возражениями, она, может быть, подкрепит позицию иностранных правительств, поддерживающих Суэцкую компанию, повлияет на решение советского правительства... В комиссии не только один Березин против проекта. Грацнанов, Радецкий, Нурахметов. Но какие доводы? Какие новые соображения? А хотя бы то, что, выдвигая такой проект, нельзя базироваться на каких-то еще не открытых залежах радиоактивных веществ под дном океана. Мало ли что еще можно возразить против проекта! Это послужит на пользу хозяйству страны. Если проект будет отвергнут, сколько средств сохранится...

Глухой лай прозвучал вдруг совсем близко. Березин вздрогнул от неожиданности.

– Вперед! Вперед, Плутон!

Из-за куста на повороте дорожки показался скачущий во всю мочь, запряженный в легкую низенькую коляску огромный ньюфаундленд с раскрытой пастью и высунутым языком. В коляске сидел раскрасневшийся Дима. Плутон круто повернул, коляска подскочила, опрокинулась и вывалила Диму на песок. Плутон, не оглядываясь, с радостным лаем бежал вперед.

– Стой, Плутон, стой! – кричал запутавшийся в вожжах Дима.

Плутон остановился, недоумевающе посмотрел назад и виновато шевельнул хвостом.

Березин бросился к Диме.

Мальчик был весь в пыли и грязи, курточка разодралась, на лице и руках – ссадины. Закусив губу, он старался высвободиться из вожжей и встать.

– Ушибся. Дима? – спрашивал Березин, распутывая вожжи и поднимая мальчика. – Разве можно так мчаться?

– Ничего, Николай Антонович, – бормотал Дима стряхивая с себя пыль. – Мне совсем не больно.

Плутон скулил, стараясь перелезть через коляску, и, добравшись наконец до Димы, лизнул ему руку.

– Ну, идем, присядь на скамью, – говорил Березин. – Отдохни и приведи себя в порядок. Ирина испугается, если ты придешь домой в таком виде.

Он заботливо вытер платком покрытое пылью лицо и руки мальчика. Нетерпеливо скача на трех ногах – четвертая запуталась в упряжи, – Плутон приволок к скамье опрокинутую набок коляску. Смущенно и скоро но поглядывая на Диму, пес уселся у его испаранных и испачканных ног.

– Ничего, Николай Антонович, мне, право, не больно, – говорил Дима, распрягая Плутона. – Вы только ничего не говорите Ире.

– Почему же, Дима?

– Понимаете, она обещала подарить вертолет когда мне исполнится четырнадцать лет. И теперь, как я с чем-нибудь не справлюсь, она говорит: «Где тебе с вертолетом управиться, да еще в Арктике...»

– Почему в Арктике? – удивился Березин.

– Да... – замялся Дима.

– Нет, в самом деле, – почему-то настаивал Березин, – при чем тут Арктика? Тебя дядя Сергей берет туда?

– Да, обещал... дядя Сергей с Ирой только и разговаривают что об Арктике, о Гольфстриме, о льдах белых медведях... Страшно интересно! Лапу, лапу подними, Плутон! Вот запутался! Мы с Костей Симаковы решили полететь в Арктику работать с дядей Сергеем, охотиться на белых медведей... Ну иди, Плутон!

– Нет, нет, не сюда! – забеспокоился Березин, пряча ноги под скамью. – Держи его, пожалуйста, подальше от меня...

– Да вы не бойтесь, Николай Антонович, – солидно говорил Дима, переводя Плутона на другое место. – Он никогда не кусается. Он очень умный и добрый.

– Не советую тебе доверять ему. Собака всегда останется родственницей волку.

– Ну вот, сказали! – обиделся Дима. – Плутон сам любого волка загрызет.

– М-да... Может быть, может быть... А как-нибудь и на человека набросится. А дядя Сергей часто у вас бывает?

– Часто. Вот он любит Плутона и всегда играет с ним.

– Вот как... А что они? Спорят о Гольфстриме?

– С Плутоном? – рассмеялся Дима.

– С Ириной! С Ириной, конечно!

– С Ирой спорят. То есть не спорят, а говорят, смеются.

– Вот как! А ты всегда видишь дядю Сергея, когда он бывает у Иры?

– А как же? Плутон всегда чувствует, что дядя Сергей пришел, и бежит к нему в комнату Иры, и я за ним.

– Понятно... А Ира вас не выпроваживает из комнаты? Может быть, им посекретничать нужно? – натянуто усмехнулся Березин.

– Зачем же? Ведь мы им не мешаем. Когда они смеются, и мы с Плутоном смеемся. Вы не видели, как Плутон смеется? До того забавно! Я бы вам показал, только он сейчас грустный: ему стыдно за коляску. Ну, я пойду домой. – Дима вскочил со скамьи. – Брюки порваны, надо другие надеть.

Березин оторвался от своих мыслей, внимательно посмотрел на Диму, потом нерешительно сказал:

– Подожди, Дима. Так ты твердо решил слетать в Арктику?

– Ну, конечно, через два года... Когда мне исполнится четырнадцать и я получу свой вертолет.

– Вот будут тебе завидовать ребята! Совсем героем сделаешься! Будешь рассказывать про свои приключения, и все станут слушать тебя разиня рты.

– Да, да! – У Димы разгорелись глаза. – А пока я уговариваю ребят организовать в школе полярный кружок. Будем изучать Арктику, ее природу...

– Ты не видал чучел белых медведей, моржей, тюленей? Приходи ко мне. Я живу рядом с нашим институтом, и там есть отличный арктический музей. Я тебе все покажу. Там и полярные нарты, и одежда, лыжи, оружие – все! А у меня самого есть чудесная коллекция разного оружия со всего света: и африканские луки со стрелами, и боевые палицы с тихоокеанских островов, и копья, и воздушные трубки малайцев...

– Вот замечательно! И бумеранг есть?

– И бумеранг. Приходи! Я тебе покажу, как стрелять из лука, как бросать бумеранг. Ладно?

– Непременно приду.

– Ну, смотри! Буду ждать тебя. В будущий понедельник вечером... А мой адрес знаешь?

– Знаю, знаю! Прошлый год мы с Ирой заходили к вам, но вас дома не было... Я помню...

На электроцикле пять минут.

– Вот и отлично! Ну, прощай, будущий герой, мне тоже пора уходить. Будь здоров! Только Ире и дяде Сергею и вообще никому не говори. Пусть никто не знает, что ты уже готовишься в поход. Ладно?

– Никому, никому не скажу! И вы не говорите!

– Уж будь спокоен!

Березин приветливо кивнул Диме и быстро удалился.

Глава четырнадцатая

Планы

Коллекция Березина была действительно замечательная. Она разместилась в двух больших светлых комнатах его квартиры.

Веером развешаны были на стене самые разнообразные копья – от простых, обугленных на конце палок огнестрельщиков до тонких и острых метательных дротиков кафров и длинных, украшенных рисунками и перьями дагомейских копий с острыми железными наконечниками. Возле луков висели колчаны со стрелами. Надписи заботливо предостерегали, что многие стрелы отравлены. Были здесь и боевые палицы – то в виде простой сучковатой дубины, то утыканые зубами акул, клыками кабанов, тигров, ягуаров или железными гвоздями. Самые разнообразные щиты – деревянные, плетеные, обтянутые толстой шкурой носорога или буйвола, окаймленные длинными прядями шерсти и разрисованные магическими знаками. На отдельных столах расположились шлемы с воинственными, пугающими врагов украшениями: бизонными и буйволовыми черепами, страшными челюстями крокодила, головами тигров, горилл, леопардов, гиен. На наклонных полках застекленных витрин и шкафов были разложены боевые каменные топоры, томагавки, секиры, полинезийские метательные пращи в виде расщепленной на конце палки и различные кожаные пращи южноамериканских племен. Здесь же был набор бумерангов из Австралии и редчайший экземпляр бумеранга, найденный при раскопках в древнемексиканских руинах, а также несколько очень редких духовых трубок с Зондских островов. Дальше шли ножи и кинжалы – каменные, роговые, железные и бронзовые.

Другую комнату занимали образцы европейского оружия: древнегреческие и римские шлемы, щиты, луки со стрелами, мечи, копья, средневековые арбалеты, рыцарские доспехи, тяжелые мечи и палаши, аркебузы, мушкеты, грубые однозарядные пистолеты. Затем шли более современные стальные сабли, кортики, штыки, охотничьи ружья, боевые магазинные винтовки и карабины с патронами и пулями, револьверы простые с барабаном, полуавтоматы и автоматические и, наконец, коллекция современного оружия, самого разнообразного и неожиданного по принципам построения и применения.

Березин еще со студенческих лет собирал свою коллекцию. Она была его неугасающей страстью.

Обычно такие страстные коллекционеры рады случаю похвастать своими сокровищами, собранными иногда ценой больших усилий и жертв.

Березин избегал таких демонстраций, но перед Димой все шкафы и витрины раскрывались настежь. Никому Березин с таким увлечением и охотой не показывал свои богатства.

Дима был совершенно подавлен раскрывшимися перед ним чудесами. В первые свои посещения он с жадным любопытством рассматривал все эти предметы из далеких, окутанных дымкой очарования стран, робко касался страшной головы тигра, косматой бахромы на щите, древнегреческого копья и жадно слушал объяснения Березина.

– И в музеях не найдешь такой коллекции, правда? – спрашивал Дима.

– Не знаю... – отвечал Березин. – Разве вот в музее Красной Армии... Там, пожалуй, полней. Во всяком случае, – он все же не мог удержаться, чтобы не похвастать, – не скоро встретишь такую.

Он любовно, с загоревшимися глазами и горделивой улыбкой оглядел все эти столы, стенды, витрины. Дима с недоумением посмотрел на Березина: он тоже собирал коллекцию – правда, всего лишь писчих перьев, – но хотел, когда она будет достаточно полной и интересной, передать ее Музею материальной культуры. Он сговорился уже с директором музея и несколько месяцев состоит членом «Общества активной помощи» музею. Там Димина кол-

лекция со временем будет размещена в отдельных витринах, и всюду на них будут развешаны таблички: «История писчих перьев. Отдел создан, пополняется и ведется В. В Денисовым».

Вон Костя Мякишев уже год имеет и ведет свой отдел перочинных ножей в том же музее, а об отделе Васи Горбунова и Миши Бородинки «История швейной иглы» в журнале «Культура» была целая статья. После появления статьи Вася и Миша стали отовсюду получать письма и запросы от ребят и даже от взрослых. Одни хотели принять участие в пополнении отдела, другие, наоборот, просили помочь им организовать такие же отделы при местных музеях, третьи хотели обмениваться дублетами. Вообще Вася и Миша сделались знаменитыми на весь Союз. И Дима был уверен, что года через два он поставит свой отдел писчих перьев также полно и интересно и отдел этот станет известным во всем Союзе.

И Дима с удивлением смотрел на Березина: собрать такую замечательную коллекцию и держать у себя дома! Да ведь любой, даже самый известный музей с радостью примет ее! Такая коллекция будет ежедневно привлекать тысячи посетителей! Вот чудак!

– Почему же вы такую чудесную коллекцию не поместите в какой-нибудь музей? – спросил наконец Дима.

– Видишь ли... – протянул Березин, доставая со стенда какой-то странный пистолет и протягивая его Диме, – коллекция-то еще далеко не полна. Вот видал ты световой пистолет?

– Световой?

Дима сразу забыл все свои недоуменные вопросы.

Пистолет имел широкую плоскую рукоятку, как у старинных маузеров, и два коротких дула, расположенных одно над другим. Верхнее дуло заканчивалось правильным раструбом в виде чашечки с блестящей, как зеркало, внутренней поверхностью.

– Эта чашечка, – объяснял Березин, – играет роль рефлектора, а маленькое отверстие в ее центре – конечное отверстие верхнего дула, на которое она насажена. Это световое дуло. По нему из зарядника, который находится вот здесь, внутри приклада, идут к рефлектору крохотные патроны, световые заряды, начиненные особым порошком. В него входят магний и другие вещества. Когда ты нажимаешь вот эту кнопку, из маленького аккумулятора, скрытого в прикладе, проскакивает в первый патрон, находящийся уже у самого рефлектора, электрическая искра. Она зажигает порошок, и он вспыхивает таким сильным и ярким светом, что никакой глаз – ни человека, ни животного, ни рыбы – не может его выдержать и моментально слепнет. Небольших животных этот свет может убить на месте, а для более крупных и опасных имеется еще нижнее дуло. Из него одновременно со вспышкой света бьет пуля. Целиться нужно прямо в глаза животного, вот через эту прицельную щель в верхней части рефлектора.

– Ага! Понимаю... – Дима подумал, потом нерешительно спросил: – А если возле медведя будет Плутон... И он ослепнет?

– Какого медведя? – спросил Березин и рассмеялся: – Ах, ты опять об Арктике? Я и не сообразил. Да, с Плутоном выходит похуже. Впрочем, если Плутон будет возле медведя, то он, конечно, будет смотреть не на тебя, а на зверя... Да, кстати, об Арктике! Дядя Сергей был у вас?

– Был, – рассеянно ответил Дима, прицеливаясь пистолетом в мишень на двери.

– О чем они говорили с Ирой?

– Опять о шахтах... о Гольфстриме... – Дима нажал кнопку на прикладе и спросил: – А можно пострелять из пистолета, хоть не по-настоящему?

– Можно. Только в другой раз. А еще о чем говорили?

– Дядю Сергея вызывали к самому министру. И министр сказал дяде Сергею, что про него что-то писали в зарубежных газетах. И дядя Сергей и Ира смеялись... А зачем здесь эта пружинка?

– Эта? Если вздумается выпустить десять пуль сразу... А почему смеялись, не знаешь?

– Потому что антисоветская газетка... Николай Антонович, а это что? Я в прошлый раз не видел этого здесь.

Дима побежал в открытую дверь соседней комнаты – рабочего кабинета Березина. Березин досадно поморщился и пошел за Димой.

Дима стоял возле какого-то странного экипажа, похожего на маленький электромобиль, прозрачный кузов которого помещался между широкими гусеничными цепями из зубчатых пластин. Внутри было видно двухместное мягкое кресло, перед креслом стоял пюпитр с рычажками, кнопками и циферблатами различных крохотных приборов. Сбоку, возле кресла, в кузове была дверца с ручками.

– Что это, Николай Антонович? Я никогда не видал таких машин.

– Это полярный вездеход. Мне прислали модель, потому что хотят лучше приспособить его к сибирским рекам.

– Вездеход? – недоумевал Дима. – Это как трактор?

– Вот когда будешь в Арктике, среди льдов, покатаешься на таких тракторах, тогда и поймешь всю их пользу.

Мысли Березина были, по-видимому, далеко и от тракторов и от вездеходов, но он заставил себя отвечать мальчику:

– В Арктике, Дима, на полярных морях чаще всего лед неровный, торосистый, весь в буграх, валах, провалах, гладкого места не найдешь. Вот этими гусеничными цепями вездеход и цепляется за неровности льда, лезет на торосы, сползает с них и вновь взбирается. Видишь, внутри, под креслом, электрические батареи, из них электрический ток идет в эти два ящика по обе стороны пюпитра. В ящиках – маленькие, но сильные электромоторы. Они и заставляют эти гусеничные цепи вращаться и вести всю кабину. В кабине тепло и уютно. Сам когда-нибудь испытаеть... А еще о чем говорили дядя Сергей и Ира?

– Дядя Сергей? – мальчик мысленно уже мчался на вездеходе среди таинственных ледяных просторов. Он с трудом оторвался от этих видения и посмотрел на Березина невидящими глазами. – Дядя Сергей... – повторил он. – Не помню... Ах, да! Он скоро уезжает вместе с Ирой. Куда-то на завод. Министр посылает их... А это что, Николай Антонович? Вот здесь, между гусеницами. Похоже, как будто гидросамолетные лыжи.

Березин в глубокой задумчивости ожесточенно растирал ладонью бритую голову.

– Это? – не глядя, почти машинально ответил он. – Это баллоны с воздухом, чтобы вездеход лучше держался на воде. Это вездеход-амфибия.³⁸ Видишь, сзади гребной винт. Впрочем... Ты прости, Дима... У меня голова разболелась... помолчи немного.

Бледный и расстроенный, он прошелся по комнате.

Вот как! Министр дает им уже совместные поручения...

Прозвучал тихий звонок. На экране телевизора, стоявшего на тумбочке в углу, появились голова и плечи Гоберти. Он вытирал и обмахивал платком пунцово-красное лицо.

Березин засуетился.

– Димочка, иди, пожалуйста, туда в оружейную. Займись там чем-нибудь. Только, смотри, не испорти ничего. Ко мне знакомый пришел по делу, мне нужно поговорить с ним. Когда кончу, приду к тебе... Иди, иди скорее.

Выпроводив Диму, Березин впустил гостя.

В кабинете, усевшись в кресло и обменявшись с хозяином обычными фразами о погоде, о здоровье, Гоберти со смущенным видом вытащил из кармана сложенную газету.

– Знаете, дорогой Николай Антонович... Тут произошло маленькое недоразумение с вашей статьей... Мне очень неприятно... Моя редакция не сочла возможным поместить ее в своей газете. Она мне пишет, что это было бы принципиальной невыдержанностью. И шло бы вразрез с позицией газеты и моими предыдущими корреспонденциями. И заместитель редак-

³⁸ Амфибия – в данном случае экипаж, снабженный приспособлением для передвижения по воде и по суше.

тора нашей газеты, по собственной инициативе, передал статью представителю той газеты, которая уже однажды перепечатала вашу статью, направленную против проекта Лаврова.

Березин вскочил, словно ужаленный.

– «Обозрение»?! – воскликнул он. – Это архиреакционная, антисоветская газета?!

– Да, «Обозрение»... Но, право, здесь нет ничего ужасного, – сказал Гоберти. – После первой статьи вполне логично появление второй, такой же по духу. А вот и чек, ваш гонорар. Как видите, довольно солидная сумма, Николай Антонович.

– Но моя статья, моя подпись! – почти кричал в неподдельном отчаянии Березин, бегая по комнате. – Ведь это же меня совершенно компрометирует... Как вы этого не понимаете!

– Ради бога, не волнуйтесь. Повторяю, ничего ужасного не произошло. Ваша статья... вот посмотрите сами, – Гоберти развернул газету, – она напечатана без подписи. Кому придет в голову, что автором ее являетесь именно вы?

– Нет, нет, не говорите! Как можно поручиться за эту редакцию, состоящую сплошь из жуликов, пройдох, мошенников! Если им понадобится, они не постесняются раскрыть аноним и оперировать моей подписью.

– Люди там, конечно, не очень чистоплотные, – согласился Гоберти, – но деловые круги Запада прислушиваются к газете. Сделать же то, что вы опасаетесь, они никогда не посмеют, хотя бы просто из боязни задеть нашего заместителя редактора, человека очень богатого и влиятельного.

Березин, понурившись, шагал по комнате. Так вот над чем смеялись Сергей с Ирой! Да... в этой газете все доводы, даже архинаучные, выглядят совсем иначе.

– Как ваша работа в комиссии? – после минутного молчания продолжал Гоберти. – Наверное, в разгаре?

– Да, уже было два заседания... – задумчиво ответил Березин, устало опускаясь в кресло. – Теперь членам комиссии розданы чертежи и прочие материалы для рассмотрения.

– Вот как! – В маленьких глазах Гоберти промелькнул огонек живого интереса. – И чертежи шахт в том числе?

– Ну, конечно, – равнодушно ответил Березин.

– Вы уже рассмотрели их?

– Да. Читаю сейчас записку об экономических перспективах Северного морского пути.

– Что же, интересно? Убедительно?

– Как сказать! Реальные и логичные расчеты на фантастической основе. Это часто бывает в подобного рода литературе, и именно это, я бы сказал, гипнотически действует на читателя.

– Все-таки очень, очень интересно... Не сочли бы вы возможным оказать мне любезность, дорогой Николай Антонович? – дружески улыбаясь, говорил Гоберти. – Как-никак, мы с вами теперь собратья по перу... И вы должны понять меня! Дайте мне на денек чертежи шахт и эту записку! Просто ознакомиться. А? Жилка журналиста теперь задета во мне. Ну, пожалуйста...

– Что вы, господин Гоберти! Как можно? Эти материалы ни в коем случае не подлежат оглашению!

– Да я и не подумаю разглашать их без вашего разрешения! Можете совершенно не опасаться. Буду нем, как рыба! Тайна за тайну, а? – добродушно смеялся Гоберти. – Ведь не беспокоитесь же вы о том, что я знаю про ваше сотрудничество – правда, невольное – в «Обозрении»? Не правда ли?

Березина всего передернуло.

– Нет, нет! Ради всего святого, не подумайте обо мне худо! – испуганно воскликнул Гоберти. – Поймите лишь меня, Николай Антонович. Влезьте хоть на минуту в мою шкуру! Ведь я же газетчик, журналист, черт меня подери! Ведь я теперь сна лишусь, я потеряю покой, аппетит, здоровье, зная, что вот тут, «так близко и так возможно», как говорится у вашего

Пушкина, лежит такое сокровище! И я его не знаю! И оно недоступно для меня! И, кроме того, ведь тут нет для вас никакого риска! Клянусь вам здоровьем моих престарелых родителей, что без вашего разрешения я не опубликую ни слова, ни единой запятой из этих материалов! Но я хочу быть первым среди моих коллег, кто, после этого разрешения пошлет радиogramму в свою газету. Неужели же никто не в состоянии понять проклятую душу старого журналиста! – в отчаянии вскричал Гоберти.

Понял ли действительно Березин всю глубину души старого журналиста и посочувствовал ему, или к нему пришли другие соображения, но через короткое время записка Лаврова была уже в кармане Гоберти, а Березин, разворачивая свернутые в трубку красно-синие листы чертежей, передавал ему некоторые из них.

– Где тут у вас почтовый шкаф, Николай Антонович? – спросил Гоберти, заклеивая конверт с чертежами и закладывая в особые вырезы на нем свою адресную карточку. – Не хочется носить с собой, еще потеряешь. Так вернее будет.

– А без вас дома никто не вскрыет конверт? – с беспокойством спросил Березин.

– Кроме жены, у меня в квартире никого нет. Спасибо, Николай Антонович, большое спасибо за такое исключительное доверие! – горячо благодарил Гоберти опуская конверт в трубу почтового шкафа.

Он вернулся к своему креслу, чем-то, по-видимому, озабоченный.

– Вам приходилось уже выступать в комиссии, Николай Антонович? – спросил он после минутного молчания.

– Да, один раз.

– Против, конечно?

– Разумеется! Моя позиция известна.

– Та-ак... И многие члены комиссии стоят на этой позиции?

– Не очень... Человек пять-шесть из двадцати трех.

– Да, маловато. Кажется, этого достаточно, чтобы обеспечить ваше поражение. – Гоберти задумался. – Вероятно, проект пройдет в комиссии... Как вы думаете?

– Думаю, что пройдет.

– А дальше?

Березин с досадой пожал плечами:

– Дальше? Правительство утвердит проект... если... если не будет тех новых обстоятельств... внешних, о которых вы как-то говорили.

– Да-а... Конечно, лично я приветствовал бы именно такое решение правительства. – Гоберти опять задумался. – Но вы-то что предполагаете делать, если правительство утвердит проект?

– Буду продолжать бороться... доказывать, убеждать... – Березин встал с кресла и опять начал возбужденно ходить по комнате. – Даже если начнутся работы, их всегда можно приостановить.

На некоторое время опять воцарилось молчание.

– Хотите услышать дружеский совет, Николай Антонович? – сказал наконец Гоберти. – Я питаю к вам такое глубокое чувства симпатии и... благодарности, что я надеюсь, вы мне позволите...

– Пожалуйста, пожалуйста!

– Не делайте этого.

– Чего не делать? – в недоумении остановился посреди комнаты Березин.

– Как только комиссия примет проект, советую вам, дорогой Николай Антонович, в ваших же интересах прекратить бесполезную борьбу и во всеуслышание заявить об этом на последнем, заключительном заседании комиссии...

– Что? Не понимаю... Зачем это нужно? – продолжал недоумевать Березин.

– ...И, сделав это заявление, – продолжал ровным голосом Гоберти, – тут же скажите, что вы готовы на любом посту, на любой работе отдать все свои силы и знания для наилучшего осуществления проекта...

Не веря своим ушам, Березин неподвижно стоял на месте, устремив глаза на спокойное, полное дружелюбия лицо Гоберти...

...Дима терял уже надежду дождаться Березина. Сначала мальчика то и дело отвлекали от коллекций доносившиеся из кабинета голоса, особенно чей-то чужой, бархатный и густой. Ожидание, однако, слишком затянулось, и Дима уже с некоторой обидой собирался уходить, когда Березин неожиданно появился в оружейной – бледный и взволнованный. Разговор теперь не клеился. Березин жаловался на головную боль, и Дима скоро простился с ним, условившись опять прийти через неделю.

Глава пятнадцатая

Первые шаги

Малый конференц-зал Государственной плановой комиссии гремел аплодисментами.

Проект Лаврова о реконструкции Великого Северного морского пути и областей распространения вечной мерзлоты на территории Советского Союза был принят комиссией.

Автор проекта скромно сидел за огромным столом президиума. Его горячо поздравляли, жали ему руки. Старик Карелин трижды расцеловал его.

Непрерывный звонок председателя, пытавшегося восстановить тишину, долго не мог пробиться сквозь этот шквал приветствий. Наконец наступило относительное спокойствие, взволнованные участники заседания мало-помалу заняли свои места, и председатель смог прознести:

— Ко мне поступили просьбы членов правительственной подготовительной комиссии товарища Березина Николая Антоновича и профессора Грацианова Ивана Афанасьевича о разрешении сделать внеочередные заявления по личному вопросу. Я предоставляю слово товарищу Березину. Прошу внимания!

Березин поднялся на трибуну бледный, с глубоко запавшими глазами.

Последние два месяца были для него месяцами лихорадочной работы. Почти все свое время он отдавал борьбе с проектом Лаврова: писал статьи, выступал на собраниях, произносил речи по радио.

Сегодня, незадолго перед голосованием, он произнес свою последнюю речь. По общему признанию, она была одной из лучших по силе, эрудиции и широте охвата проблемы. Но, как говорили, его выступлению не хватало прозорливости, умения глядеть вперед, наконец не хватало понимания сил и возможностей нашего великого народа.

Теперь он стоял на трибуне, видимо колеблясь, как будто решаясь на какой-то отважный и бесповоротный шаг.

Зал напряженно, в молчании ждал.

— Я считал и считаю, — произнес наконец Березин слегка охрипшим голосом, — что проект Лаврова недостаточно научно обоснован, что он потребует огромной и в то же время бесполезной затраты сил и средств нашего народа, повлечет за собой немало жертв при работах в столь необычайных, еще не вполне изученных условиях. Я считал и считаю, что такое исключительное напряжение всех ресурсов страны и возможный неуспех предприятия надолго затормозят дальнейшее развитие нашей науки и техники. Вот почему я так упорно боролся против осуществления проекта, но... резолюция одобрения принята. Проект Лаврова этим самым получает санкцию нашего высшего правительственного органа, он превращается в предприятие общегосударственного значения, становится делом чести всей страны, делом чести всех граждан нашего Союза. — Голос Березина окреп, стал звучать почти вдохновенно. — Я — сын своей великой родины — не мыслю себя отделившимся, враждебно или хотя бы даже нейтрально стоящим в стороне от предприятия, которому вскоре отдастся с энтузиазмом вся моя страна. Поэтому я считаю своим долгом заявить здесь во всеуслышание, что с настоящего момента я отбрасываю все мои возражения против проекта, что я готов отдать все мои слабые силы, все мои знания и опыт на помощь товарищу Лаврову, моему старому другу, и выполнять всякую работу по осуществлению проекта, какую найдут полезным поручить мне. Я хочу, чтобы моя великая родина вышла победительницей в этом предприятии исторического значения, хотя бы, если это нужно, ценою моего поражения...

Шумные аплодисменты покрыли эти слова Березина. Слышались возгласы: «Браво!», «Браво, Березин!», «Да здравствует советский патриотизм!»

Глаза Лаврова сияли. Он сорвался с места и бросился к Березину:

– Николай! Дорогой мой! Как я рад!

И на высокой трибуне, на виду у всего зала, они крепко обнялись.

В зале наконец восстановилась тишина.

– Слово для заявления по личному вопросу предоставляю товарищу Грацианову, – послышался голос председателя.

– Я не сговаривался с товарищем Березиным, – начал профессор, – но в прекрасных и сильных выражениях он сказал именно то, о чем и я хотел заявить с этой трибуны. Я пойду с моей страной по тому пути, который она избрала. Я разделю с ней радость победы и, если случится, горечь поражения. Я всего себя отдаю в распоряжение будущего строительства...

Новая вспышка оваций была сразу же прервана чьим-то мощным басом из зала.

Огромная фигура профессора Радецкого стояла в третьем ряду.

– Я полностью присоединяюсь к заявлениям моих товарищей...

Овации загremели снова.

* * *

Уже через декаду после исторического решения Государственной плановой комиссии был опубликован указ правительства об организации Министерства великих арктических работ – ВАР. Министром был назначен Владимир Леонтьевич Катулин с оставлением его в должности министра строительной промышленности.

Опытный организатор, прославившийся успешным проведением работ по повороту Аму-Дарьи к Каспийскому морю, Катулин пользовался огромной популярностью в стране. Первым шагом Катулина было, как все и ожидали, приглашение Лаврова на должность своего заместителя и начальника строительства цепи подводных шахт. Сотни тысяч людей самых разнообразных специальностей – металлурги, химики, машиностроители, горняки, электрики, геологи, транспортники, врачи, климатологи, геодезисты, мелиораторы, моряки, радисты – стремились попасть в почетную армию строителей величайшего сооружения эпохи.

Фабрики, заводы, шахты ждали решения вопроса, кто перейдет в ведение нового министерства для снабжения строительства своей продукцией. Всем было известно, что такому огромному начинанию потребуется множество предприятий.

С приглашением на работу Березина, которое состоялось по личному представлению Лаврова, это сложное дело быстро двинулось вперед. Каждый день опубликовывались списки переходящих в ведение ВАР предприятий самых разнообразных отраслей промышленности.

Такой первоклассный завод, как Московский гидротехнический, на котором Ирина сейчас работала уже начальником производства, был включен в первый же список предприятий, переходящих в ВАР.

Огромная армия конструкторов и исследователей в центральном аппарате ВАР, в конструкторских бюро заводов и фабрик, в научно-исследовательских институтах и лабораториях немедленно принялась под руководством Лаврова за разработку новых конструкций, сплавов металлов, за создание новых строительных материалов – всего, что было необходимо для такого необычайного строительства.

Уже через месяц мощный флот исследовательских судов и ледоколов был готов к выходу в Северный Ледовитый океан. Там они должны были искать наиболее удобные – с геологической и радиогеологической точек зрения – пункты для строительства шахт под полярной струей Гольфстрима. Время для подготовки похода в эти широты не было упущено: ледовые прогнозы на июль август, сентябрь и даже весь октябрь были исключительно благоприятными.

С острова Рудольфа, с мыса Желания на Новой Земле, с острова Визе, островов Большого Котельного, Беннета и Генриетты в течение всего июня радиостанции доносили о преобладании ветров южных румбов, о чистой воде или разреженном льде в районах их наблю-

дения, о благоприятных метеорологических показателях, установленных по методу академика Карелина.

Весь фронт строительства шахт под струей Гольфстрима, начиная от западных границ Советского сектора Северного Ледовитого океана и до меридиана острова Врангеля, то есть протяжением около трех тысяч километров, был разбит на пять участков.

Работа экспедиции значительно облегчалась тем, что почти на каждом участке уже имелись, достаточно известные и разведанные места глубокого залегания радионосных пород. Оставалось лишь найти более или менее удобные площадки на морском дне для закладки шахт.

Двадцатого июля, держа курс на Землю Франца-Иосифа, к головному участку строительства из Мурманска вышло первое экспедиционное судно-лаборатория «Новый Персей». До своей базы в бухте Тихой его сопровождал мощный десятитысячетонный ледокол «Челюскин», который должен был обеспечить безопасность и непрерывность работ не только «Нового Персея», но и других исследовательских судов – «Чекнна» и «Нерпы», вышедших вслед за ним для тех же работ в том же районе океана.

Двадцать третьего июля Диксон радировал, что ледоколы «Литке» и «Ермак», закончив зимний ремонт, вышли на участок № 2, сопровождая три экспедиционных судна-лаборатории во главе с «Ломоносовым» и одно вспомогательное судно.

Двадцать восьмого июля, используя необычайно благоприятные ледовые условия этого года, исследовательская флотилия в составе сверхмощных ледоколов «Георгий Седов» и «Харитон Лаптев», трех судов-лабораторий во главе с «Амундсенем» и одного вспомогательного судна отправилась из порта Амбарчик к пятому участку.

В следующие четыре дня пришли сообщения из Нордвика и Тикси-порта. Из Нордвика к третьему участку ушли ледовый дредноут «Ленин» и десятитысячетонный «Красин», сопровождавшие два экспедиционных судна – «Менделеев» и «Мария Прончищева» с вспомогательным судном «Жохов». Из Тикси-порта отправились к четвертому участку два мощных ледокола – «Макаров» и «Дмитрий Лаптев», четыре судна-лаборатории во главе с «Капитаном Берингом» и одно вспомогательное судно.

Глава шестнадцатая

Первая плита в фундаменте

Работа того сектора строительства, которым руководил Лавров, поражала огромным размахом. С невиданной быстротой разрабатывались детали проекта, новые конструкции, специальные механизмы, велась подготовка технических кадров для работы в подводных и подземных условиях. Сотни институтов, лабораторий, экспериментальных цехов на фабриках и заводах не могли даже после самого жесткого отбора вместить всех желающих работать над задачами, поставленными проектом Лаврова. Десятки и сотни тысяч любителей – специалистов самых разнообразных отраслей науки и техники – круглые сутки заполняли общественные, открытые для всех лаборатории, экспериментальные станции, принимая на себя задания ВАРа по разрешению частных и не всегда мелких проблем.

Именно этими «любителями» были решены такие, например, проблемы, как георастворитель для гидромониторных³⁹ установок Генина, механические штукатурки для теплоизоляции шахт, антирадиевые скафандры⁴⁰ для предохранения людей от вредного влияния радия при проходке сквозь залежи радиоактивных пород, наконец методы предохранения подводных шахтных поселков от затопления при случайной аварии их перекрытий.

Если у Лаврова так успешно шли подготовительные работы, то необычайную деятельность развивал и Березин со своим аппаратом снабжения. Катулин и даже сам Лавров должны были сознавать, что не представляли себе, сколько энергии, изобретательности и организаторского таланта скрывалось в этом человеке. В его распоряжении оказалось огромное количество строительных материалов, машин, механизмов, инструментов, снаряжения и продовольствия. Березин организовал приемку и отправку всех этих материалов к основным портовым базам строительства – Мурманску, Архангельску, Нарьян-Мару, Новому Порту, Игарке, Диксону, Нордвигу, Тикси-порту, Владивостоку. Сотни тысяч людей работали по его указаниям на приемных, транзитных и конечных пунктах, принимая и регистрируя грузы; караваны судов шли по рекам и морям, длиннейшие составы поездов везли по железнодорожным путям Советского Союза цемент, стальные трубы, тросы, балки, плиты стального стекла, консервы, строительный лес, баллоны с жидким кислородом, машины, мебель для будущих подводных жилищ. Строились новые причалы в портах, железнодорожные ветки, заводы и рудники.

Среди этой, казалось, необъятной работы Березин находил еще время помогать заводам-поставщикам усиливать их производственную мощность, хлопотать об их расширении, переоборудовании, направлять на работу опытных, проверенных, иногда лично ему известных людей. В донесениях этих заводов все чаще стало фигурировать имя Березина, которое всюду упоминалось с благодарностью за своевременную помощь и совет. Все помнившие его былую оппозицию проекту Лаврова теперь поражались его преданности строительству, неутомимой заботливости, с которой он относился ко всему, что хотя бы в малейшей степени могло повлиять на ход работы. Все личное как будто отошло для него на задний план. Казалось, он жил только проектом. Единственно, что в его жизни сохранилось из прошлого, – это встречи с Димой, правда более редкие, но по-прежнему систематические. Горькие и сладостные встречи,

³⁹ Гидромонитор – аппарат, выбрасывающий под большим давлением струю воды. Эта струя отрывает часть породы от общей массы, размельчает породу и транспортирует ее в размытом и разжиженном состоянии к погрузочному пункту. Гидромеханизация с помощью гидромониторов находит широкое применение на крупных строительствах при производстве земляных работ, а также при добыче полезных ископаемых – каменного и бурого угля, торфа, руд, черных и цветных металлов.

⁴⁰ Скафандр – специальный костюм с приспособлением для дыхания водолазов во время подводных работ, а также летчиков-стратонавтов, поднимающихся в высокие слои атмосферы с разреженным воздухом. Антирадиевые скафандры предохраняют водолаза от действия вредных для здоровья, а иногда и опасных для жизни радиевых лучей.

когда он мог говорить об Ирине, следить за ее жизнью, платя за это сочувствием мечтам мальчика о будущих его путешествиях...

Лавров бывал всегда доволен, когда, забегая в кабинет Березина, в ответ на вопрос: «Где Николай Антонович?» – слышал:

– Вчера вылетел в Магнитогорск.

– Когда вернется?

– Точно неизвестно. Он собирается побывать еще в Сталинске.

Лавров теперь тоже редко виделся с Ириной. Несмотря на огромную, захватывающую работу, он порой тосковал. Пока вокруг проекта шла дискуссия, пока его обсуждали в различных общественных и государственных инстанциях и нужно было выступать на докладах и по радио, писать статьи, отвечать на тысячи запросов, Ирина была верным помощником и секретарем Лаврова. Он привык работать с ней, привык видеть ее около себя двенадцать и шестнадцать часов в сутки, слышать ее тихий голос и смех. И теперь часто его охватывала тоска. Ирина наотрез отказалась идти работать с ним в центральный аппарат ВАРа. Она ни за что не хотела оставить свой завод, тем более что с головой погрузилась сейчас в конструирование новых гигантских насосов для водоотводной системы в гидромониторных установках Генина.

Уже 5 августа «Новый Персей» с первого участка радировал в Министерство ВАРа Лаврову, что вполне подходящая площадка для поселка и шахты № 3 найдена и обследована.

В тот же день Лавров передал распоряжение Березину о немедленной отправке необходимых строительству материалов и первой партии водолазов-строителей в указанное место и выгрузке их там на дне океана.

Через два дня начали поступать радиосообщения со второго, четвертого и частично с третьего участка о найденных и обследованных площадках в уже разведанных районах залегания радиоактивных пород.

Лишь на пятом участке и на восточном отрезке третьего, где крейсировало экспедиционное судно «Мария Прончищева», шторм и надвинувшиеся внезапно льды несколько задержали работу экспедиционных судов. Однако водолазные отряды продолжали обследования на дне, не испытывая особых помех от непогоды и ледовой обстановки на поверхности океана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.